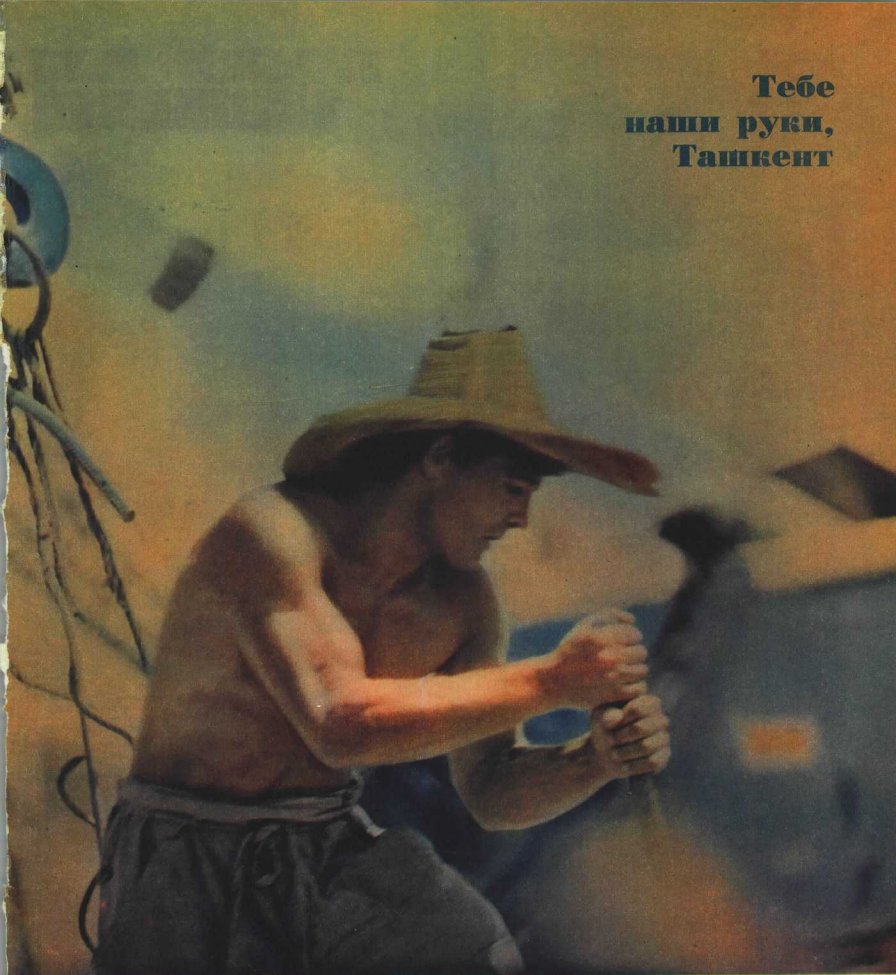

**Тебе
наши руки,
Ташкент**

№15 [1961] АВГУСТ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

ТРУДНОЕ ЛЕТО ТАШКЕНТА

Фото В. САККА.

текст Д. СУХАРЕВА,

специальных корреспондентов «Смены»

И вот мы пишем...

...Когда мы пришли в горком комсомола, нам сказали, что из Находки по компьютеркам не посылают. Но мы с подругой не уходили из горкома, и нам сказали, что если мы так настаиваем, то чтобы мы написали вам письмо, и вот мы пишем...

...От водителей автобусного парка г. Перми. Мы просим Вас разъяснить наш вопрос такого порядка. Из газеты «Комсомольская правда» мы очень подробно узнали о вашей беде, о создавшейся сейчас обстановке в Ташкенте. В частности, там говорится, что страна послала Ташкенту 5 000 автомобилей и на эти все автомобили нужно обучить людей, а мы все последние дни праздников мы как ни в чем не бывало работали, отбыли и отмечали эти праздники, люди же Ташкента переносят такое бедствие. Мы не можем остаться равнодушными. Поэтому мы спрашиваем Вас, имеем ли мы право приехать к вам помочь как водителям. Ребята у нас в основном комсомольцы, здоровые молодые парни, работы не испугаются, какал бы она ни была.

...Секретарю Ташкентского горкома комсомола. Московский райком комсомола Киргизской ССР сообщает Вам, что комсомольцы нашего района хотят принять участие в восстановлении Вашего города. Просим сообщить нам срочно...

...Пишет вам это письмо комсомолка Эстонии из города Тарту. Мы, группа товарищей, решили помочь восстановлению г. Ташкента. Мы несколько раз обращались в горком комсомола и горком партии, но нам ответили, что на это нет еще распоряжения. А в это время из других республик к вам на помощь спешили целые эшелоны с техникой и специалистами. А мы все ждали. И вот сегодня нам ответили, что Эстонская ССР в г. Ташкенте будет строить только два дома, а соответственно туда будет направлено небольшое количество людей со строительными специальностями. Но мы слушаем радио и знаем, что вам очень нужны водители, автокрановщики, экскаваторщики и бульдозеристы. Поэтому мы обра-

Ташкенту трудно. Ташкенту нужно помочь.

цаемся непосредственно к вам. Товарищи, ответьте, и мы незамедля приедем...

...Здравствуйте, уважаемый товарищ секретарь! Ученицы нашей школы за хорошую работу на винограднике получили премию — 100 рублей. Эти деньги мы решили послать в помощь Ташкенту. С уважением, ученицы школы № 13, г. Севастополь, пос. Каха...

...Мы, группа шоферов-водителей, собравшись вечером в лекционной комнате, прочитали из газет сообщения. Поспорили на эту тему, как лучше помочь. Вот и решили написать в журнал комсомола. Мы очень должны демобилизоваться и хотим поехать на стройку, нести долю своего труда в восстановление города Ташкента...

Прошу городской комитет о моем зачислении в строители города Ташкента. Я видела этот город проездом в Таджикскую ССР и желаю быть его строителем. Специальность у меня: механизатор. Семья у меня: жена. Желających ребят у нас много. Адрес: Сыктывкар, Коми АССР...

Очень прошу сообщить нам, нужны ли вам люди таких специальностей, как маляры, штукатуры, каменщики, сварщики и разнорабочие. Прислать вмяслять запрос в Архангельский горком ВЛКСМ...

Отряды для помощи Ташкенту у нас в Курске не организуются. Поэтому мы, несколько студентов из мединститута, решили ехать к вам сами. Очень прошу зачислить нас в какой-нибудь из отрядов по восстановлению города. Согласны на любую работу. Мой друг и я в прошлом году работали на заводе коммункама, кроме того, имели права шоферов (работали на автобусах), работали электромонтажниками, короче, согласны делать все, что нужно...

...Пишет вам Мясникова Нина по поручению группы девочек. Дело в том, что мы хотим помочь городу. Может, вы подумаете, что это просто романтика? Нет. Просто мы хотим направить свою силу и энергию на полезную работу. Пусть мы — швейцарки, но можем выполнять любую заблажную работу. О швейцарках можете не писать, мы солдаты на все. Почему мы просим об этом? Эта история могла случиться с любым городом Советского Союза, и просто потому, что там живут и пострадали такие же, как мы...

И вот мы едем...

— А эти чьи ж такие?
Автобус озадачен. Вперед было пустое место между новыми домами, сегодня — ради палаток, вздымаются горы полосатых матрацев, сверкают питьевые бачки. Что за новость? Удовлетворенным, даже гордым голосом наивный старичок дает пассажирам пояснения:
— А это, значит, Украина. Приехали, значит, строить новый и вдвойне прекрасный Ташкент.
Украинцы! Вылезая из автобуса, улицы покачивают от пекла. Присаживаясь в холодке возле палаток. Два гарные дивчины налаживают походную кухню. Тут подождит авто-

цистерна с водой, дивчины наполняют котел, обдают из шланга подопевших парубков, а те — их. Имеют место ажиот. Впрочем, выясняется, что это вовсе не украинцы, а волгоградский строительный отряд, и гарные дивчины никак не гарные дивчины, а просто девчата, и грызет их одна проблема. Ну как же, все строители будут называть новые улицы именами своих отрядов, а что делать волгоградцам? Уже и так одна из главных улиц Чиланзара* зовется Волгоградской!

* Чиланзар — район Ташкента.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Год издания сорон третий
Выходит два раза в месяц

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

15 [1961] АВГУСТ
1966

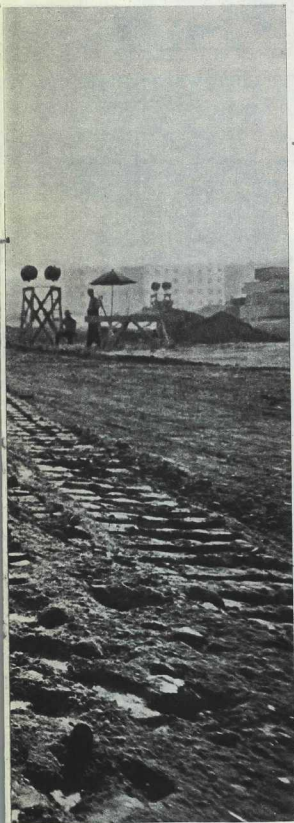
Дома маленькие, беда большая.

Начинается улица Московская.

Здесь знают цену каждому кирпичу.

Вот забота.
— А где тут москвичи расположились?

— А мы и сами еще ничего не знаем, там где-то...

Вечер. Это, это уже не рядки палаток, а целый палаточный город. Вот и транспарант, снятый на память с первого строительного поезда:

«Москва — Ташкенту». Транспарант теперь лежит рядом с грудой какого-то электротехнического фарфора.

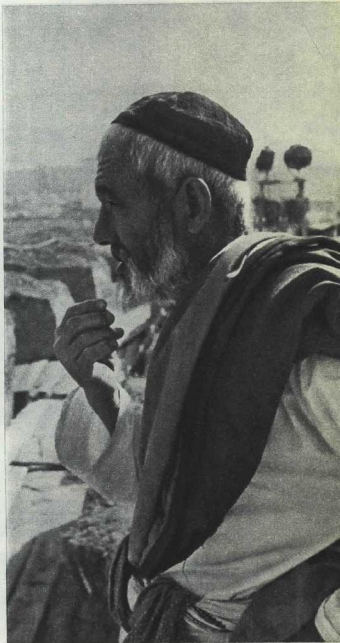
А над всем палаточным городком, над его урючными и вишневыми деревьями динамики разносят поэзию. Так сказать, Ташкент — Москва, бригада ташкентских поэтов в гостях у московских строителей. Те густо сидят на земле, на вынесенных табуретках, на приступочках, которые есть и у палаток. День был жаркий. Вечер хороший. Внимательно смотрят москвичи на человека, который чуть глуховато и все же гортано читает свои стихи. Чем трогает приезжего, не знающего по-узбекски, неясно, местными звуками.

Молодой поэт Николай Лукьянов читает на языке, который хорошо знаком слушателям:

Ташкент похож сейчас на Рим.
Сюда — пути со всех сторон.
Но мы, ташкентцы, говорим:
Ташкент похож на Вавилон!
И это верно.
В нашем городе.
Во всех ташкентских уголках
Перемещались даже говоры.
Не говоря о языках...

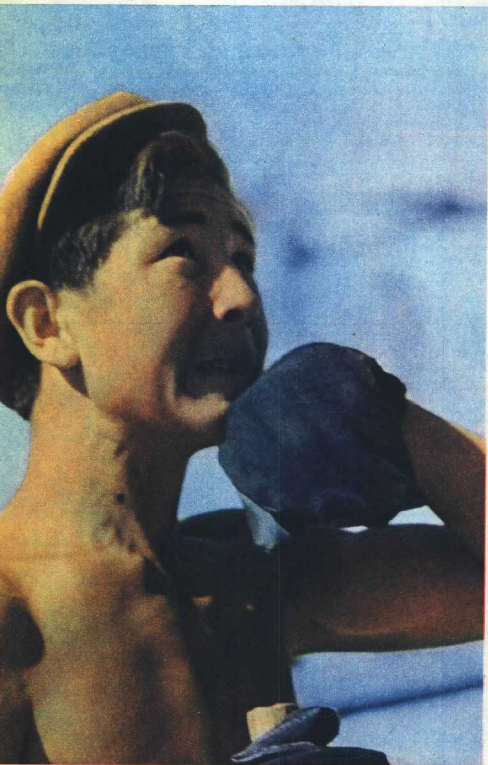
Москвичи посмеиваются — и правда! Перешагнешь через развалившийся дувал, десять минут зоду — и ты у украинцев. Кругом говорят по-

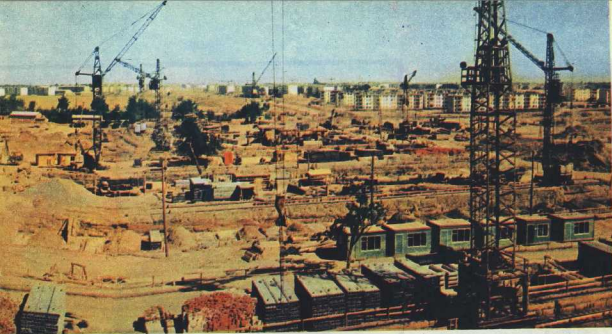
«Домов много будет — цветов много надо...»

Чиланзар — район новостроек.

Ташкентская жара не щадит и южанина.

украински, а stolovke — борц украински, в киносе — кивские газет. Севери немного абор — палатки строителей из Киргизии. Где-то дальше говорят, армяне, литовцы, белорусы, кого только нет. И впрямь Вавилон, только все понимают друг друга. Кивалые говорят: «Пока то да се, свой бетон не пришел, мы договорились с ташкентцами — получили у них. Сделали монолитную основу, ладно; теперь плиты нужны. Наши еще где-то едут, а у москвичей пока лежат без дела. Взяли у них в долл! Теперь глядите: наши 80-квартирные дома во как двинулись к небу!» Обзались сдать к ноябрьским, а если так дело пойдет, — сдадим в сентябре.

Москвичи говорят: «Вроде бы все предусмотрено, а женской нации не хватает. Зато у украинцев много. Берем на вооружение смекалку: строим, тащиплощадку, пленки у нас отличные...»

Старый дед Рукки Эгамбердиев говорит: «Домов много будет — цветов много надо, красивые цветы, деревья садить надо, без деревьев плохо будет...»

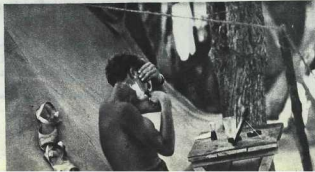
Молодые маляры из Днепропетровска Мила и Саша говорят: «У нас желающих повалить было очень много. Выбিরали. Мы всяких ужасов ждали: развалины, змеи, скорпионы... Теперь даже разочарованы. Конечно, мы приехали и будем работать, а чувства у нас никаких особых вроде бы нет... Видите, вам даже неинтересно с нами разговаривать...»

Геодизист Володя Соболев говорит: «Мы в Москве в самом городе работали. Конечно, волновались поначалу: от удобства отрываемся. Но ничего. В воскресенье ездили купаться на Ташкентское море. Намечено экскурсию в горы. В энциклопедии? Нет, в энциклопедии мы не были. Разрушений практически и не видели...»

А на стройплощадке самосвалы рычат, москвичи — красно-желтые,

Днепропетровские девушки вяжут арматуру.

Палаточный городок строителей

на украинском Богдан Хмельницкий на коне нарисован, а инженер Бойцова Валя в маечке голубенькой кричит: «Битка! Накладные давай!» — флаги, молнии, транспаранты, колосом молоком торгует, ой спасибо — в самом пекле молочко холоденькое, а у кирзовых подъемный край весь кричного цвета, а на бетонной плите кто-то явно так напевал: «Привет от Одессы!» — и никаким землетрясением тут, в Чилангаре, и не пахнет, и так это похоже на обычную стройку, каких множество по всей стране, что поневоле нам-то забываясь, что необыкновенная она, а вечером — волебои, танцы... Дело молодое!

Но необыкновенная она, эта стройка. И необыкновенный повод собрал людей со всей страны. Имя этому поводу — беда.

Прикосновение беды

Вот так же с шутками, с веселым разговором — дело-то молодое! — собиравшись, я видел, в центре города студенческие отряды. Те самые студенты, которые отказались от своих кампусов, чтобы помочь городу. Они собиравлись, а потом раскодились группами на свои рабочие участки — растаскивать то, что раньше было домом.

Было утро, но солнце уже припекало; уже работали бульдозеры и экскаваторы на расклевке аварийных завалов, густая пыль стояла в воздухе, толстый слой пыли лежал на тротуаре и мостовых. Когда ковш экскаватора размыкает свои челюсти над самосвалом, обрушивая в него все тонкое богатство рассыпанного сырца, штукатурки, щебня и трелья, — вот тогда-то и восходит к небу пыль столбом, и закручивается навстречу калечницам классического ордера.

Тут же среди пыли был фонтанчик из искорененной ржавой трубы, студенты по очереди наклонялись над ним напились и сплюснули щею.

Тут же на дереве висела стонгазета, вся сплошь состоящая из карикатур, в которых осмыслились лентанг.

Мое внимание привлекла пошка, стремившая войти в заваленную дверь разрушенного дома. Пройти в комнату нельзя было принципиально, но кошка рвалась туда, и я вспомнил, что уже читал про такую кошку и такой дом в какой-то из книг о войне. Веселый парень в черной шерстяной рубашке один из убирающих развалины этого дома — заземлял и отложил кошку камнем.

Этот парень был занят тем, что выискивал из груды искоренной браненной. Затем я узнал, как он узнался за какой-то предмет, книгу, что ли, и выискал его из мусора, радостным криком известил других о трофее. Это был альбом — того типа, в которых держат семейные фотографии.

Затем я увидел, как он раскрыл альбом и начал из него фотографировать. Прошло несколько минут, и он все стоял в неудобной позе, в которой застал его этот момент, и продолжал снимать на фотографии. Что там было такое, сказать он не смог снова брать альбом в битый кирчик и держал его неловко и растерянно, не зная, куда положить? Почему умолк?

И уже не он, а я увидел удручающе новым, обманчивым взором зеленые обои стены с белым темным квадратом, который был, наверно, занят ковриком, помаять, рукоисойной — неразговорчивых свидетелей этого ночного удара.

Помню кадры, снятые в Ялони удивительным кинохроникером: многоэтажный дом вздрамывает, крошится и вдруг начинает падать на улицу, застигнутой врасслох содержанием земли.

Большой дом — а беда большая. В Ташкенте современные большие здания устояли, но выдержали ударов те, что помнееше.

Маленький дом, а беда большая. Не станешь ведь меньше беда человека, смысл оттого, что меньше этажей. Был кором — и нет. Был дом, твой дом, в котором ты вырос, жил, придумывал что-то крутое вот обидицавай белой плиткой, окно расширил. Здесь умерла твоя мать, родились твои дети. Может быть, для кого-то это просто старый дом, который все равно пора бы на спуск. Все равно, да не все равно...

Что такое ташкентское землетрясение? Это почти два миллиона квадратных метров разрушенных жилищ. Вот и считайте а единицах человеческой боли, если известны вам такие единицы...

Проверка Ташкентом

Пионеры с цветочками привели на вокзал — встречать очередной эшелон строителей. Эшелон разгрузился на другой станции, где пионеров не было. И ничего.

Были речи. А и не было бы — то же самое.

Сошли с эшелона самовалы, специально раскрасненные к этому случаю. Не были бы раскраснены — тоже не страшно.

Не в антураже дело. Ташкентская эшелон такое показала, что не до антуража.

Ташкент помог нам всем увидеть себя, он стал проверкой нашей человечности, нашей способности сочувствовать и готовости помочь беде.

Этот десяток миллионов рублей, наблелжавших на расчетный счет 170 064 Ташкентского банка — их никто не таянул из наших карманов, — давали сами, кто сколько мог.

Эти бескомпромиссные предложения своих сил, своего труда, эти письма, непрерывно идущие в ташкентские организации... Я прочтала одну из них писем — просто очередную кипу — в горшке комсомолов. Выписки

из некоторых писем начинается так: «Вот так вот, во всей импе не было ни одного письма, в котором прощало выражалось бы сочувствие пострадавшему городу. Сочувствие, хоть совсем небольшое, это замечательно, но во всем этих писем содержалось нечто большее, чем сочувствие... действие или предложение действия! Вот мои ручки, вот мои письма, пожалуйста! Вот мои деньги, возьми, тебе пригодится! Что я могу для тебя сделать еще, Ташкент!»

Там, в горшке (вернее, в помещении, которое он занял после того, как разрушилось здание горкома), рядом со столом, за которым я читала письма, висели камешки яшми. Посмотря — иррушун, книги. Дети Ленинграда прислали (Смоленский район). Счастливы будут родители этих детей, их дети станут людьми.

Счастливы будут отец, который так расклевает своему сыну про Ташкент, что сын вылетит из копитки свои черт рубль, предпринимая на нем какой-нибудь валютный аферуш, и не простит отца послать их в Ташкент. И счастливы будут сын этого отца. Вот что такое Ташкент. Через него прослушивается большое сердце большой страны.

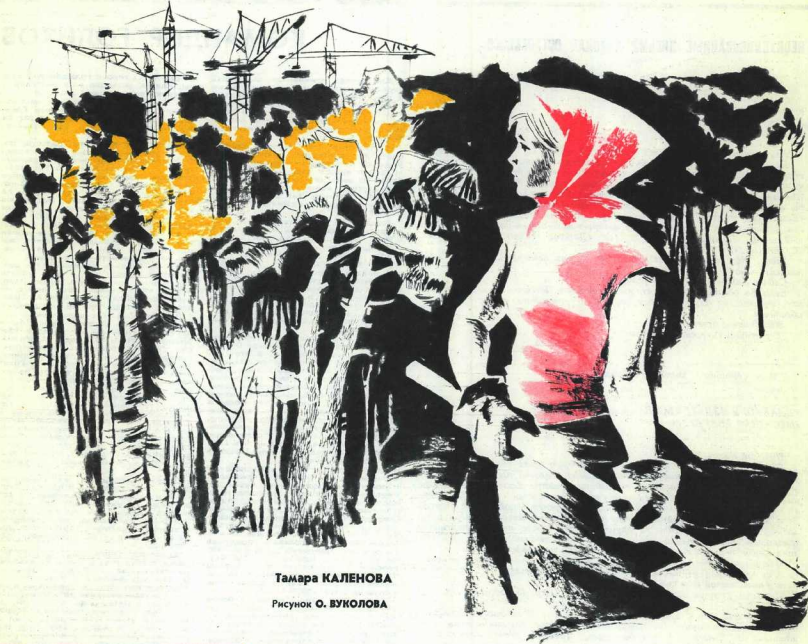
Николай Островский — лауреат премии Ленинского комсомола

Товарищ! Читатель! Поздравим Николая Островского с присуждением ему премии Ленинского комсомола за книги нашей жизни «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей». Он и не знает, как он юн! Ему так странно, непривычно слышать: лауреат... До награды ли было рабочему парню, защищавшему новорожденное Отечество! Не лавры именишу Николаю Островскому, когда над болезнями и смертями встал рядом с ним, вместе с ним Павел Корчагин. А всего-то чудес было: перо и жизнь. Революция! Это она велела: чтобы жить, надо отдать жизнь.

И вот первый свой лавровый венок комсомола отдаст тебе, Николай Островский, самый юной, вечный наш комсомолец. Мы награждаем тебя, потому что ты с нами. Мы уважаем тебя, потому что только творческая жизнь толмита тебя. Скажешь, высказаться, остаться в строю! Ты стал художником, потому что хотел остаться комсомольцем, коммунистом.

Мы слышим тебя. Мы любим тебя. Мы рады, что ты жив. Ты видишь: сколько вокруг Корчагиных!

Ты знаешь: нас двигает тот же Огонь. Здравствуй, Николай Островский, лауреат премии Ленинского комсомола!

Тамара КАЛЕНОВА

Рисунок О. БУКОЛОВА

РАССКАЗ

О К Ш А

ОКАЗЫВАЕТСЯ, НАДО ТРЕБОВАТЬ!

Серьезной школой для молодых прозаиков, съехавшихся на форум литераторов Урала и Западной Сибири в Кемерово, был семинар, которым руководил писатель Сергей Петрович Антонов. Разговор шел прямой, порою суровый, без сжато-до молодости авторов.

Сергей Петрович скуп на похвалу. Он требует от литератора острого интеллектуального зренья, опущения себя современником, отрешения от всего происходящего на земле. Антонов не приемлет пассивную позицию, он ждет от своих питомцев страстности, молодого темперамента.

Почему мне показались интересными рассказы Тамары Каленовой? — сказала на обсуждении Антонов. — Вроде бы в них много еще не оформившаяся, некоторая доля инфантильности торчит тушкой, например, вещь, как «Окна». И, тем не менее, об этом рассказе стоит поговорить. Студентка Томского университета Тамара Каленова раскрывает в этом произведении свое умение сопереживать событиям жизни, быть не на обочине, а в самой гуще — там, где движется, крохочет и живет стройка. Каленова ничего не выдумывает, она адресует нас к своим сверстникам, и мы верим им. Порою они наверно, неумело входят в жизнь. Но эта жизнь хороша. Это «главная улица» нашей молодости. Важно и то, что все повествование окрашено крестным настроением, есть в нем точно найденная и увиденная атмосфера стройки.

Альма приехала из того края, где люди только по инстинктам знают, как монотонно пьянит осенний запах чернухи. Но она приехала осенью, а чернуха осенью не цветет. Альма попросила, и ей показали норовное дерево с темно-вишневыми мелкими и слегка вяжущими, а запаха не имели никакого.

Прямо к черемушине стоял башенный кран. Со стороны казалось, он словно кланится и кланится кому-то и разводит руками, будто неслыханный человек. Показался целый день — гадкий, стена дома выросла на полтора метра.

У котлована будущего семидесятидвухквартирного дома в разобранном виде лежал другой башенный кран, и около него, как у постели больного, без лишнего слов хлопотали трое монтажников, два котлована, времена для прорабы, стоящие на санях, неудобные из-за обилья ног подвезные пути — называлась участком.

К участку вела извилистая лесная дорога. Она постоянно забегала на самые крутые бугры и то бестолково спускалась и рыве без всякой нужности, и дело спускалось и рыве без всякой нужности.

По этой дороге Альма пришла на стройку.

В отделе кадров нехотко принимали на работу женщин. Альма поучствовала это по тому, как сидели за столом белобырская девушка недолго протрунула!

Опыт девчачий Откуда приехала! Не сидит-ся не людям на одном месте!

Правильно, «не сидит». Только знала бы белобырская, почему не сидит!

Приехала Альма и своей тете в конце лета. Хорошо запомнила она, как мать на прощание почему-то тихо и уныло просила: «Алена, ты Ковры... постырить... посуду... Это нетрудию... Альма общалась, старалась не замечать необычно тихого и просиющего голоса матери. Ей хотелось одного вырваться на простор незнакомых дорог, уехать скорее из дому! Она чувствовала себя такой сильной, уверенной, Скорей! Не задерживалась долги прощания.

Потом были и ювры, и посуда, и постырить... Это совсем нетрудию. Но стоило ли ради этого уходить в школу, учить свое тело мелочливой игрой в баскетбол, выработывая силу колена? И не слать маме, мечтая о самостоятельной жизни.

Через двадцать дней Альма станция из-под носа тетиной своей паспорт и заплата, что едет на стройку, которая сильно пригнувшись ей гримасируя заголовками и фотоснимками в газете...

И вот она здесь, и с сегодняшнего дня любой Альма... А белобырская чего-то медлит, косятся и, наверно, до сих пор ищет ответа на свой неизбежный вопрос «Откуда приехала!». Как будто имеет значение не то, что она все-таки приехала, а то — откуда!

— Из Хланьки, — сказала Альма и, чтобы стало понятней, добавила: — Из Глопн стети.

Белобырская презрительно фыркнула. Но рука ее так же простерлась заскользила по бумаге, что Альма решила не обижаться на нее за фырканье, а терпеливо ждать решения.

«В самые первые дни войны гитлеровская армия встретила особенно упорное, героическое сопротивление в двух пунктах советско-германского фронта: у стен Береста и Красной крепости и на подступах к латвийскому городу Лиелпае (Либаве). Эти строки вздыблили сердца читателей «Советской литературы». С. С. Смирнова («Смена» № 4, 1966 г.). Многие детали оборонной борьбы до сих пор были неизвестны, и тем более яркими и доходчивыми предостереженьями перед нами сейчас новые подробности тех героических дней.

В очерке С. С. Смирнова упоминалось о подвиге железнодорожников Лиелпае, благодаря безотказности которых бы сорван план внезапного захвата гитлеровских городов. И вот совсем недавно редакция получила большой материал об этой захватной обороне. Из приписки работавших железнодорожного транспорта Я. А. Лубимов.

И. Т. РОЖКОВ

Снимок довоенных лет.

СНИМКИ ДОВОЕННЫХ ЛЕТ

Вступление фашистских войск на Лиелпаю по шоссе с того было остановлено. Атаки гитлеровцев беспрерывно и обстрел города с суши, с моря и с воздуха не приносили результатов. Тогда немецко-фашистское командование решило по железной дороге возвратиться в тыл обороняющимся.

Железнодорожный путь из Каплевца ведет в Лиелпаю с северо-восточной стороны. В этом направлении утром 23 июня из Лиелпаи был отправлен порочный пассажирский состав на станцию Вайнаде за семью военнопленными германцами. Предполагалось потом через Лиелпаю отправить их в Ригу, в тыл.

Пересекла железную дорогу в 40 километрах от Лиелпаи в районе станции Приенуле фашистская захватная состав. Тут-то немцы и задушили операцию, которую громко назвали «Троический косяк». Выждав время, чтобы поезд мог вернуться в Лиелпаю и вечером погугуми в шеста пассажирских вагонов отдельную воинскую часть. Солдаты в офицерские пеналы на полу и на скамейках, им страшные загрохотали подходить и они.

Все, что видела потом поезд, считали его порочным.

Дожурному по станции Приенуле было приказано доложить по другим станциям и в отделе, что пути повреждены и поезд возвращается обратно.

Послеперова станцию Палаага, состав приблизился и Гавезне... Ес начальни И. И. Огневича жеро оно рассматривая проходящий состав. Что это Огневич не верил, своим глазами. Со второго этажа станиционного здания ему хорошо было видно, что вагоны битыми кабыты людьми и

зеленой одежде. У каждого оружие.

Немцы! Огневич хотел было бешать в коммуну дежурному, но тут его взгляд упал на телефон линейно-путевой связи. Огневич на телефон линейно-путевой связи. Огневич на телефон линейно-путевой связи. Огневич на телефон линейно-путевой связи.

Денис Марович! Докладывай Огневич! Проследовал наш поезд, в каком направлении... Он все лежат на полу. Позже кадетские порочники.

Он тот же сообщил Васину начальнику станции Палаага Пельяни. Время перерыва от Гавезне до Лиелпаи только 25 минут. Поезд в пути уже не меньше пяти минут. Есть необходимость возможность — пустить настрому паровоз.

Васин отдал приказ: готовить паровоз.

Вашинный кондуктор железнодорожной станции Лиелпае Иван Трофимович Рожков слышал весь разговор Васина с Огневичом и, не ожидая, поспе тут получить от своего шефа разрешение городского штаба обороны, побойкой на станцию.

Не успев Васин переговорить с городским штабом, или в кабинет городского дежурного по отделению.

Денис Марович! Заончил с линией В в поезде из Гавезне удай наши. Помощь для оборонной Я! на паровоз им настрому посылатье...

— Это зонволл!

— Не знаю... растерялся дежурный.

— Значит, это провокация. Немедленно паровоз.

...Ромков тем временем бегом и паровозу, стоящему в противоложном конце станции. Всюду на подножке, он приказал помощнику машиниста Дреймансу сейчас же отцепить паровоз от состава грузовых вагонов. Передача приказ Васина, велел машинисту Свиридову проводить паровоз. Тот быстро отключил индикатор для машинного вагона в котел. Вот уже четверть водомерного стекла. Хватит. Открыл сифон, создавая тягу. Топка задувала. Стрелка манометра поехала и красной чертой. Одновременно бегом и стрелка на часах. Оставалось десять минут. Машинист заранее поставил реверс на максимальную отцепку для быстрого разгона и выгнул на сиво.

Дожурный по станции, нервно, подглядывая на часы. Вдали, на 5-м посту, ждали строчники.

Добрый путь! — сказал Свиридов и открыл реверс.

Паровоз стал быстро набирать скорость. Разогнавшись, прошел мимо перрона. Провозилую тревожного лица Каузу, начальнику станции, подождал, чтобы пора прыгать. Машинист махнул проверкой, все ли сделано. Ромков ныряет голыш — надо оставить паровоз. Свистящий отрывая на полный ход регулятор и, дав прощальный гудок, соскочил с паровоза. Паровоз одновременно приземляется. Парти одновременно приземляется.

О несущемся на всей скорости паровозе сообщили на централизованной пост Широмос дежурному сигнальнику Труменнику. Отсюда разветвлялись железнодорожные пути на все Либаву. Сигнальщик моментом направил Труменнику паровоз по любому из них, и вот новый звонок. В трубке вкрадчиво зарычал автомобильный кардиумиз знакомым, убеждающий голос.

Почти все правильно разобрался в шифре Гайдаря, несмотря на некоторые неточности, допущенные при зашифровке имени Гайдаря. Читатель пытается найти имя, фамилию или прозвище преступника. Читатель пытается найти имя, фамилию или прозвище преступника. Читатель пытается найти имя, фамилию или прозвище преступника.

Многие намеки, автору, ссылаются: не жил ли в Астрахани человек с подобными фамилией, прозвищем? Отвечать не жел; ни кто из крайних мер не так же лица неизвестны.

Есть одно очень важное сообщение против того, что «Ровагава» — имя прозвище преступника. Издательство «Судостроение» стоило бы заняться поточным выпуском этой популярной литературы и, конечно, в гораздо больших тиражах.

В итоге следует сказать: «Ровагава» еще ждет своей разгадки. А. ГОЛДИН, г. Москва.

СМЕНА № 9. «АРМАДА СНИМАЕТСЯ С ЯКОРЕЙ»

Нас, студентов Харьковского политехнического института имени В. И. Ленина, очень привлекла идея отправиться в путешествие на советских кораблях. Мы решили коллективно построить самодельный катер для дальних походов.

А. ГЕРАСИМЕНКО, А. ЧИНЫН, г. Харьков.

В подборке «Армада снимается с якорей» приведен список литературы по любительскому судостроению. Если ознакомиться, достать рекомендованные вами книги практически невозможно: они были вытиснены маленькими тиражами и давно распроданы. Издательство «Судостроение» стоило бы заняться поточным выпуском этой популярной литературы и, конечно, в гораздо больших тиражах.

В. ШУВНИКОВ, г. Еска, П. СУХАНОВ, г. Новокузнецк, В. ЯЦКО, г. Киев, И. ВУШИН, г. Сочи.

Почему стихи «Летям», принадлежателе, судя по публикации более ранних, автору Елене Ширман, «Смена» подобрала Мисаила Куличикова? Стихи эти погубили, а нам надо разобраться, чьи же это строки — Ширман или Куличикова?

Т. БОНОВА, г. Грозный.

РЕД: Это — стихотворение М. Куличикова. Е. Ширман и М. Куличикова занимались в одном творческом семинаре, стихи друг друга нередко упоминали в портретах в портретах. Но все же это не стихи. Публикация, конечно, обнаружив стихотворение Куличикова в бумагах Ширман, поспешила опубликовать это стихотворение под ее фамилией...

СМЕНА № 6. «ПОВЕСТЬ О МИХАИЛЕ СВЕТЛОВЕ»

Светлова, переставшая «Судет», увидела портрет любимого поэта Михаила Светлова. И повесть о нем. Мне стало до себя больно. Словно почувствовала веки он смотрел куда-то далеко... Послыла свою стихку в переводах М. Светлова.

А. МАРГАРИН, г. Ереван.

СМЕНА № 1. «ПЕСНЯ ДАЛЬНЕЙ СМЕРТИ»

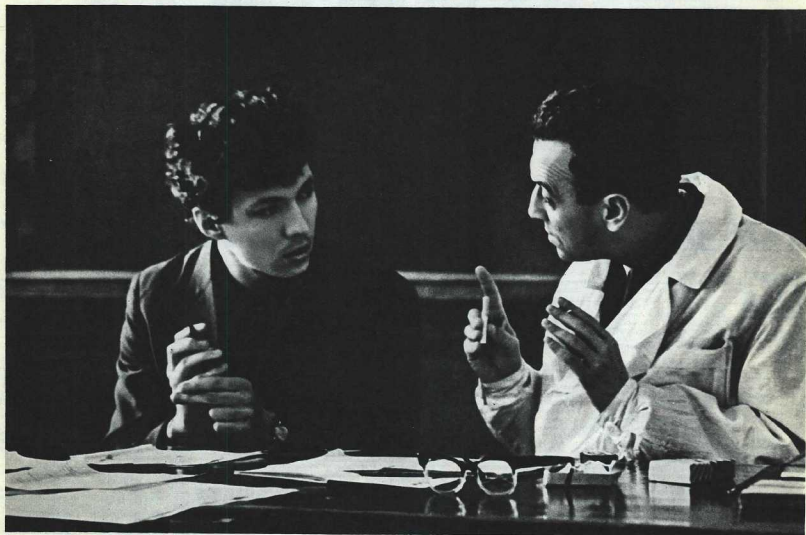
Это дорога, которая и по назначению и по призыванию должна служить людям добрую службу на века. Поэт Михаил Диндин ищет о пережитом, его герой — наш современник, которому до всего есть дело.

С. ТОЛСТОПЛОТ, Ленинградская обл.

СМЕНА № 2. «ШИФР АРКАДИЯ ГАЙДАРЯ»

После публикации статьи в редакции в течение нескольких месяцев поступали письма от читателей, пытавшихся расшифровать загадочное слово «Ровагава».

КАК БЫТЬ?

КАК БЫТЬ?

Н. ДУБНИН,
академик,
лауреат Ленинской премии

НАУКА — ДОРОГИ И ТРОПИНКИ

А говорились сразу: в нашем открытом разговоре о науке, о радостях и разочарованиях рыцарей ее великого ордена не будет иметь места анимичный образ абстрактного ученого, собранный из типовых блоков, высокодушно подающий общественному мнению наивные уважительные интерпретации.

Наука — область человеческой деятельности, в которой так же, как в любой другой области, существуют люди разных характеров, темпераментов и способностей. И так же, как в любой другой области человеческой деятельности, науке свойственны все черты, все грани многообразия жизни. В последние несколько десятков лет наука благодаря своим блистательным успехам вышла в правофланговые всемирного прогресса. От этого перемещения в самой науке никаких особых перестановок не произошло. Бездарность

и ограниченность не приобрели никаких новых нюансов и классифицируются точно так же, как сто пятьдесят лет назад. Правда, звание ученого стало весьма почетным, и уже одно это звание в глазах непосвященных дает право его обладателю на все преимущества, заслуженные успехами физиков, автоматчиков, ракетчиков независимо от того, работает ли над какой-то проблемой данный конкретный человек или просто числится по штатному расписанию в одном из научно-исследовательских институтов.

В этом смысле весьма показательная слава, которой пользуется Новосибирский Академгородок. Я работал там, когда еще он не был похож на уютный курортный город с желтым глиняем и синими, правда, искусственными, но все-таки крышами. Многие по-настоящему талантливые ученые несколько лет назад, «покинув» свои лаборатории в Москве и Харькове, Одессе и Ленинграде, переехали в Сибирь и создали там великолепный научный центр. Коллежия Сибирского отделения

Академии наук действительно очень сильный, низкеспособный. О достижениях сибирских ученых нет необходимости напоминать. Однако волею чьих-то непомерных восторгов научный центр под Новосибирском превратился в своеобразный научный Парнас, на котором обитают только гении от кибернетики, гидродинамики, математики и т. д. В магазинах там обсуждают проблемы взаимоотношения цитоплазмы и ядра, в конферентных разговорах обсуждают о структурной избыточности, а в женской консультации, оминая приема, будущие мамы объясняют друг другу тонкости термодинамического эффента.

Создается впечатление, что этанке ультралиды поселились под Новосибирском и с великой истовостью толкают науку вперед; а она хотя и сопротивляется, но неохотно; вроде бы неудобно ей сопротивляться таким могучим интеллектам. В действительности все гораздо многообразнее. Есть там молодые доктора и такие же молодые шалопаи, есть увлеченные и есть работающие из-под палки. Визитная карточка — это Академгородок — еще ни о чем не говорит. Жить среди ученых еще не значит быть ученым.

НАША ШКОЛА

ДЕСЯТИКЛАССНИКИ

прошлом году, зная, что я работаю на районном олимпиадном конкурсе. Союз писателей предложил мне устроить встречу с литераторами и педагогами. Встреча состоялась, и я выразил надежду, что через несколько месяцев мы соберемся вновь, чтобы выслушать первые главы романа. Это было неосторожное обещание. Чем дальше уходила я в изучение материала, тем явнее становилось, что задача бесцельно сложнее, чем можно было предполагать. Я и прежде знал, что передо мной открылся целый мир, в сущности, мало затронутый в нашей литературе, хотя его изображение уже отдало немало сил и труда. Но я был поражен разнообразием и противоречивостью этого мира и в еще большей степени его сторонностью от мира взрослых, сложившихся людей. Не очень интересны «стариками», яви «прежидками», как они нас называют, они прекрестно выписываются в собственном поколении и весьма трудно судят о достоинствах и недостатках друг друга. Нетрудно представить себе тяжелое положение, в котором нехотят быть воспитатели и педагоги. Последние годы, самураишны и глукко изменение психологическую атмосферу страны, заставив любого из них, приступаю вглядываться в перспективу будущего, задумывая над своей профессией. На бесчисленных встречах с девочками и девушками, находящимися в решающем возрасте — возрасте шаткости и внезапных озарений, — надо отнестись умно и твердо. Мне случалось встречать талантливых учителей, которые едва ли не в отчаянии останавливаются перед невозможностью пережить психологический мост между ними и их учениками. Что же представлял собой этот мир нашего поколения, эти неистовства и сентиментальность юности, родившиеся за шесть-семь лет до XX съезда? Не только моя будущая книга, но десятки других едва ли не с достаточной полнотой ответят на этот вопрос. Но вот насколько блудными.

Передствывая свои блокноты, перецитывая письма и дневники, вспоминая встречи, я вижу перед собой юности и девушек, много и нетропительно размывающихся, субъективно «сладко-сладкие свершившиеся» в жизни, способные оценить все ничтожество необоснованного самодовольства. Почти всегда все эти черты были связаны с индивидуальностью, с искусством, с историей — к тому, что является необъятностью, а на деле необычайно расширяет внутренний мир молодого человека.

Но я согласен и с литераторами, которые указывали в своих статьях на холодность, расчетливость и даже пинки в среде нашей молодежи, хотя мне ни разу не удалось познакомиться с достаточно точными данными явления. Процедура немало часто среди старших школьников, я подчас встречалась с тайной (а иногда и подчёркнутой) расчетливостью и самодовольством. Я и тогда сумел своей «взрослостью» каверинистами, которые уже научились своевременно молчать и говорить только то, что необходимо для их далеко идущей цели. Я встречал принципиальных «интеллектуалов», которые с презрением отнеслись к тому, что они называли «кашпирской информацией», — в это понятие, кстати сказать, включало искусство всех времен и народов. Я встречал «чичиковых», которых так и называли в классе, и «интеллигентом», как называли в школе, как мальчика, который, придя из школы, сказал: «Будущая — мы теперь все против всего».

Естественное стремление к правде берет свое, формируя новую парадигму, которая в будущей истории страны покажет, без сомнения, значительность и силу.

Словом, мир семнадцатилетних так же разнообразен, сложен и противоречив, как мир взрослых, с той разницей, что в первом случае оно окрашено опущением неустойчивого равновесия. Но есть и общие черты между бесчисленными группами, из которых он состоит. Почти все девушки и юноши (за исключением, может быть, потенциальных «карьеристов») нетерпимы к стервешам, набившим оскомину фразеологии. В нее входят, к слову сказать, и эпитет «романтичность» или «романтизм» с некоторым пор привкус фальши почти неизбежно сопровождается его. Мне кажется, что есть нечто безукосное, например, в названии серии «Юные романтики» (в которой, кстати сказать, входят и мой роман «Два капитана»). Значит и это — что книги, составляющие серию, должны читать лишь умелые, склонные к ментальности подростки? Молодой читатель заранее как бы «отражается» званием романтика. За этой И звание их этот дело инстинктов подсчитывает — что, впрочем, едва ли возможно — все эпитеты, формулы, лозунги, отдаленные слова и выражения, которые даны-давно ничего уже не означают, а буржуазная сущность как читатель лишь к зевоте и скуке. Как бы в противовес общественной фразеологии, юностью выработано собственный язык, возмущающий (не без оснований) взрослых, инстинктивный и тонкий. Он проникает и в литературу. Впрочем, все это — предмет социологического анализа, выходящего за границы этих заметок.

Другая особенность юности по меньшей мере нередко встречающаяся черта — отношение к родителям. Куда как часто приходится слышать: «Фигуристы надевал свои разговоры о том, что не приходилось тут, а мы живем привлекательно и на всем готовое. Нам — это же совсем иногда был примерными девочками и мальчиками, но мы не выносим, когда нам так часто и скупо говорят об этом. Нам — на более высоком уровне развития». Бы, старшее поколение, уходите в прошлое, как некогда уходили в монастыри. А для нас прошлое не больше чем учебник истории».

Пример старая, но обладать ею, то есть делать вид, что ее не существует, значило бы, мне кажется, не выполнять свой долг перед нашими внуками и детьми. «Хотелось бы спасти молодое поколение от исторической забывчивости или даже исторической ослеплости», — писал Герцен. «Ора торца Сатурна не аквизирует своим детям, но тора и детям не брать примера с тех, кто своим примером убивают своих стариков».

И дальше: «Бред предвещательного родства толкает богиня, как Венера из пены морской» («Былое и Амура»).

Важно помнить, что необязательно разнородному миру надо походить. Как оксидировать тут его интересом, как направить эти интересы в сторону, противоположную от самодовольства, от упования собственной жизнью, от равнодушия к интересам общества и народа? Над этим вопросом думаю сейчас многие и более всего, без сомнения, те, кто отдал свою жизнь делу воспитания молодежи. История революционного поколения, познававшаяся на мировой сцене в 20-е годы, не только должна быть известна, она поучительно необязательна. Это было поколение, потрясенное, принесшее невиданные жертвы, перенесшее тяжелые испытания. Полюбили выдвигать строгий, изобретенный и художником, обязательный мир, как науку и науку. Его история не может не заинтересовать, к ней нельзя не прислушаться, когда рассказывать ее умно и правдиво.

Вспомните и уже находивших таланты, которые выжили за это трудное, но благородное

дело. Задача, разумеется, далеко не ограничивается пределами познавательными. Она важна — и в смысловом отношении — мира чувств. Какую показать цельность характеров, их «высокий» нести из сложившихся обстоятельств, «как сложены?» — спросила меня одна из «интеллигентных». Это выгодно? Что это мне дает?

Надо доказать, убедить, что тонкость мысли и чувства не только, то есть не столько, но и столько, не интересна. У Альфа Славина есть рассказ о парне, который глубоко вовлечен в музыку и который в один (вспомогательный для него) день начинает прислушиваться к ней. Мысль создала, что хотя без нее, конечно, можно обойтись, в искусство нельзя, раз уж тебе так повезло и ты родился человеком.

И в рассказываю, что нижеследующая мысль покажется новой, то есть даже не столько, но и столько, не интересна. У Альфа Славина есть рассказ о парне, который глубоко вовлечен в музыку и который в один (вспомогательный для него) день начинает прислушиваться к ней. Мысль создала, что хотя без нее, конечно, можно обойтись, в искусство нельзя, раз уж тебе так повезло и ты родился человеком.

И в рассказываю, что нижеследующая мысль покажется новой, то есть даже не столько, но и столько, не интересна. У Альфа Славина есть рассказ о парне, который глубоко вовлечен в музыку и который в один (вспомогательный для него) день начинает прислушиваться к ней. Мысль создала, что хотя без нее, конечно, можно обойтись, в искусство нельзя, раз уж тебе так повезло и ты родился человеком.

И в рассказываю, что нижеследующая мысль покажется новой, то есть даже не столько, но и столько, не интересна. У Альфа Славина есть рассказ о парне, который глубоко вовлечен в музыку и который в один (вспомогательный для него) день начинает прислушиваться к ней. Мысль создала, что хотя без нее, конечно, можно обойтись, в искусство нельзя, раз уж тебе так повезло и ты родился человеком.

И в рассказываю, что нижеследующая мысль покажется новой, то есть даже не столько, но и столько, не интересна. У Альфа Славина есть рассказ о парне, который глубоко вовлечен в музыку и который в один (вспомогательный для него) день начинает прислушиваться к ней. Мысль создала, что хотя без нее, конечно, можно обойтись, в искусство нельзя, раз уж тебе так повезло и ты родился человеком.

И в рассказываю, что нижеследующая мысль покажется новой, то есть даже не столько, но и столько, не интересна. У Альфа Славина есть рассказ о парне, который глубоко вовлечен в музыку и который в один (вспомогательный для него) день начинает прислушиваться к ней. Мысль создала, что хотя без нее, конечно, можно обойтись, в искусство нельзя, раз уж тебе так повезло и ты родился человеком.

И в рассказываю, что нижеследующая мысль покажется новой, то есть даже не столько, но и столько, не интересна. У Альфа Славина есть рассказ о парне, который глубоко вовлечен в музыку и который в один (вспомогательный для него) день начинает прислушиваться к ней. Мысль создала, что хотя без нее, конечно, можно обойтись, в искусство нельзя, раз уж тебе так повезло и ты родился человеком.

Пушкин

Может, силнее, как в Михайловском ветра лес взлохматит. Загрусит. О смерти дулет с ура и о матери. Пусть в сурьбы еще пулю не сбив. Волна стублена. Как-то там Надежда Осиповна спит! Место куплено. Той земляей бы и укрыться, мыслит он. Юность продана. Чобы избь. Чобы лен со всех сторон. Чобы родина. Хмур был притюки, гроб пошедней мастера. Сани в наледь. Ехал Пушкин на погост монастыря — к жизни, на юду. Проезжал Псковичу инцулю свою, села ветке. А деревь быт могиль, где стою, маку веткам. И соседствуют светила в двести ватт с колыб Пивама. И терзаюсь, осознал, что жива: в чам же миеной.

Под сень Михайловского леса авалы Пушкина в попутную и трость из черного жевала служила спутницею выв. Поэт особенно любуя жалованности зной, тоску, как шибал он его грозди заклеванных осенью рябин. И всякий раз дивилась лес, тучь, окрестные мякоть: — К чему такю беззмерный вес! — В дули надобно умеень, чобы не дрогнула рука и не саулялся пистолет.

Так обещаны поэты во все вата.

Е. ИВАНОВО

Тоска по пушкинским местам — тоска по собственным мечтам. Тамой я, видно, человек — тружусь и отдаюсь в горде, а выку тихий сон о Сороти, тшайшей из знакомых рек.

Тоска по пушкинским лесам — тоска по принятым летам. Передо мною тридцать лет — альдереских, потом учебных, потом военных и лечебных, и лишь несных, тенстных лет.

Тоска по пушкинским прудам — тоска по превращенным трудам. Мне часто я, джорев и свем, бросал свои чернишки бесильным! Мне сится волнолюбое смьялым. В его огне не гаснет свет.

Тоска по пушкинским полям — тоска со счастьем пополам. Попорден парков и аллея, попорден рязум и совести сплится как бы в одной повести среди михайловских полях.

В последние дни на редакционном столе лежат все больше писем с пометкой «ответ на анкету». Это читатели — десятки юношей и девушек — выпускники школ из различных городов и сел страны делятся с нами своими планами, мечтами.

Одно из писем, опубликованное в 11-м номере «Сигна», очень интересно и привлекает своей искренностью. Разговор «Сигна» с ее читателями о выборе профессии, о месте молодого человека в жизни будет продолжен.

В сегодняшнем номере мы хотим обратиться к читателям, которые в последнее время ропщут и тем, кто разделяет опасения горожан о том, что высказано в письме выпускника А. Ю. Чечетовой из Владимирской области:

«... В этом году поступить учиться трудно. И если и не поступлю в медицинский институт, то поеду работать. Но если не поступить, то придется, вообще пропадаю желание учиться. Начинать работать и забросить книги». Людмила Теренинская из Казахстана тоже очень хочет быть врачом, но она собирается дерзнуть экзамены не в медицинскую, а «открыт учиться на бухгалтера здесь, то есть в городе Щучинске. Хочет не терять год, овладеть специальностью профессии, а этот год трудный. Давной побегорой тут есть куда-нибудь поступиться на хорошее место».

Эти и подобные им письма тревожат, огорчают; значит, есть среди ребят такие, что невольно растерялись перед трудностями, которые в дальнейшем унаследуют стезями духа и готовы связать жизнь, судьбу с первым попавшимся непрофессиональным делом. Выбор профессии — очень хорошая, нужная, важная профессия, но, может, она не всем нужна. Может, поначалу, следовало бы идти в медицинскую, а санитары при больнице или «Скорой помощи». Стоит ли поддаваться страхам, выбирать востройной возможности выбора, отворачиваться от желаемой профессии? Неужели это так?

Они не только имеют право, они обязаны выбрать себе дело по нраву. Мы не хотим, чтобы они встали на такую закономерность: там, где царит прогнивший порядок и организованность, там нет умения, оценок, талантов; там, где царит порядок и организованность, там нет умения, оценок, талантов; там, где царит порядок и организованность, там нет умения, оценок, талантов.

Возьмем для примера Москву. Изначально дело ее школы поминает 65 тысяч ребят. Минус из них, безусловно, отпустит город. Минус, конечно, в Москве много школ, но ведь не только москвичи, но и провинцы стремятся стать студентами. Возникает серьезное соревнование. Может быть, такой, как нигде, придется перестроить планы. Как это лучше сделать? Есть ли для этого условия?

Мы побывали в Московской городской комиссии по вопросам в Истринском Московском районе, где направили, в полную силу работать специально созданная комиссия по трудоустройству молодежи.

Во дворе Московского района гримела женщина с тоном зловещей угрозы: «Парни в защитной форме, девчонки в брюках... Инструктор школьного отдела... Привлеките снаек, потому что лагеря пора выезжать, а тут еще спущенные проблемы».

— Дайте интервью, — обратился я и неужели опять поварачиваю? — крикнул он мне в лагерь шумно хороня повар... Школьный отдел думал о том, что лето и осенние каникулы промало возмознолуче — к осени они чувствуют себя сущими восточниками.

Вот что вкратце сказал об этом Толя Лю-

бено место для двух печатей и подписей — директора школы и начальника отдела кадров предприятия. Предварительная карта на любом заводе своего района, выпускник немедленно получает право прописаться в том же, где ему нравятся.

Это придает уверенность в завтрашнем дне, у ребят исчезает стремление наскел, поспосредовать место; есть возможность оглядеться, решить все серьезно и основательно, в соответствии со способностями.

Заведующий школьным отделом города Валерий Расскоко является и членом городской комиссии по трудоустройству.

Вообще эта комиссия состоит из представителей всех «заинтересованных сторон»: горкома, горисполкома и городского новоселья, отдела кадров, отдела планирования и подготовки квалифицированных рабочих кадров, управления бытового и коммунального обслуживания и др.

Возглавляет эту комиссию заместитель председателя Истринского Мосгорсовета Елена Яновлева Просветлова. Вот что она рассказывает:

«В среде специальных учебных заведений может свободно поступить для дневного обучения около семи тысяч человек.

На базе крупных предприятий — танки, как «Знамя труда», ЗИИ, — будет работать шестнадцать технических училищ, для старшеклассников. Ребята-восеминнадцатилетние распределяются по учебным заведениям ПТУ. Если, конечно, в семье получают за отца пенсию, то они направляются.

После окончания ПТУ выпускники не, обязательны «отрабатывать» на предприятии, получают аванс с авансовыми записками, преимущественно дерзнуть экзамены в любой вуз. В основном эти ребята работают на своей стороне о судьбах молодого поколения.

Елена Яновлева подчеркивает, что в Истринском районе очень много молодежи, образованных, культурных людей, которые являются бы новой, своей стезей, в сфере бытового обслуживания, торговли. Для этих ребят там же распахнуты двери специальных училищ. Как не прав тот, кто считает, что «быстрые» это люди без профессии, второй сорт». В повседневной жизни мы все зависим от них, просто не в состоянии обходиться без них. Это люди межзачемных профессий.

Районные комиссии вручают выпускникам направления на работу, и, например, в Киевскую область, и они выехали туда на работу свой выбор; в комиссию поступило пятьсот контрольных коротких направлений со штампами различных предприятий.

Иногда, конечно, приходится вручать ребятами вместе с аттестатами зрелости. Помолу, наиболее рассудительные поступили в работу, которые спокойно, обдуманно оставили свою работу на иную-то интересную крупную предприятие и нашли там поприще для себя дела. Теперь они так же спокойно, на зрелости времени, поступают на вечерние или дневные курсы, которые соответствуют своему уровню. Завербодеть активнее поддерживать в этом свои интересы. А как же! Для себя ведь растить! Так что придется расстраты школьного образования, перспектив и талантов.

Комитетом из Владимирской области, наpressa. Теперь о страхах — не попасть на хорошее место». Они тоже изумили нас несвоевременными. Старший инструктор комиссии А. И. Павлова рассказывает, что в Истринском районе, пригласительных билетов, реклам. Все они направлены на хорошее место — учу на курсы, на заводы и фабрики.

К ребятам сейчас приезжают в гости бывшие воспитанники трудовых резервов — известные рабочие-изобретатели, артисты Большого театра, писатели, ученые, резервы. Это время, когда ребята только теплыми словами. Есть время выбрать профессию правильно, о чем мы уже говорили. Как в Москве, попутно должны быть предельно активными горские комитеты новоселья, горкомы и районные комитеты молодежи. Активность должны проявлять и вы сами, ребята. Все дело — принять одно из самых важных, первых своих решений, нам следует избегать ошибочных отклонений. Ради нас приведен в действие механизм организационного руководства, тем самым сам на встречу. Удача стремит вас.

Э. МАТВЕВА

Сцена из фильма «Республика Шкид» — А. Подшивалов.

Репортаж
со съемочной
площадки

В республике Шкид

Этот репортаж мы начинаем на обветренной ленинградской набережной, что на Малой Посадской утине, в доме № 3. Здесь живет писатель Алексей Иванович Пантелеев (И. Пантелеев) — один из авторов повести «Республика Шкид». Наверное, каждый из нас в детстве зачитывался его повестями и рассказами «Часы», «Павет», «На линии», «Честное слово», «Инцидент Чубачка», «Людья Пантелеева». Первую свою книгу — повесть «Республика Шкид» — И. Пантелеев в Г. Веллах написал, когда наркомом не было еще и восемнадцати. Авторы — бывшие функционеры, те, кому судьба готовила в голодном Петрограде времена гражданской войны участь бродяг, воров, налетчиков, чьей судьба свела под одну крышу обитавшего треклятого хлама на Петроградском проспекте со столь необычными названиями Шкид, что означало: «Школа социально-индивидуального воспитания имени Достоевского».

— Это была необычная школа, она во многом отличалась от других, которые возникли после революции. — во главе ее стоял прекоренный педагог, замечательный человек — Виктор Николаевич Сорона-Росенский или просто Викисор, как сокращенно звали мы его, — вспоминает Алексей Иванович, автор сценария будущего фильма. — Я затрундился оформлять одним своим методом его воспитания. Он был самым универ-

сальным и сочетал в себе и трудовые навыки и гуманитарное образование. У нас были свои издательства. Вероятно, за эту гуманитарную направленность нашей школы С. Я. Маршак назвал ее впоследствии «пролетарским лицеем», из которого вышло немало хороших людей — учителей, журналистов, писателей, офицеров Советской Армии. Рассказую о некоторых из них. Самым талантливым в Шкид был Георгий Юонин по кличке «Янтарь» (в фильме его играет ленинградский школьник Слава Голубов). Он знал четыре иностранных языка. После Шкид он закончил Ленинградский институт сценических искусств, работал режиссером Театра классической миниатюры в Ленинграде, вместе с Дмитрием Шостаковичем написал диспеттерскую оперу «Нос». Это был очень способный человек, ранняя смерть не дала ему возможности проявить в полную меру свой талант. Писателями стали Коста Ликтенштейн и Павел Григорий Лодыгин, по кличке «Дед» (его играет сам известный режиссер Товстоногова — Сапро) работал конструктором, погиб в ленинградскую блокаду.

— И вот мы в Шкид, а вернее, в одном из павильонов «Ленфильма». Мы вошли в самые тревожные для школьной республики дни, но кюмором носился табунчик мальчишек в обмотках, с запалками в рубашках,

в рваных пиджаках. У каждого своя биография, свой, особый, выработанный в отчаянной борьбе за жизнь характер. Выдались ребята, отличные парни с возмужавшим поведением и блатными кличками — книжки переименовали не только свою школу но и друг друга и всех воспитателей. Вот шпиден, облетай в рваный, уныл мундирчик с несколькими ушловатыми заплатами пуговицами. До Шкид он учился в кадетском корпусе и очень гордится своим именем — Вольф-Фон-Оффенбах. А это — сам Цыган из Александровской школы, несравнованный «иерус» республики, первый бунтарь. Его играет молодой артист Большого драматического театра имени М. Горького Анатолий Подшивалов. Он очень точно прояснил этот образ из повести — те же хитрые глаза, дерзко выгибающиеся над тонкими бровями худая мускулистая фигура и ослепительность верхов, гордость. Сейчас он готов прийти в действие все таланты сына республики. Немало обучают Викисору (его роль исполняет замечательный ленинградский актер Сергей Юрский) эту общую науку подростов. Но этот приставлен былиться в концах школы интрудно обучать исследователям жизни, комических деткам недоделанное подросток, но перлам которых вся тайнами прокатилась годы войны, разрухи.

Только таному человеку, как Викисор, удалось со временем изменить нравы в республике Шкид. Но это еще не все: идеями, законами, реформ, судя как так-то просто. А юна в огромном павильоне с серыми стенами, превращенном ленинградским худ. техникумом в обычный класс, громоздится бардак: шпиды не на шутку ополчились против «кадешев» — своих учителей.

— Сейчас раздалась команда режиссера Г. Родина, камера операторов Л. Довганя и А. Чечулина медленно тронется по рельсам, и в республике снова закипит страстная история Р. Синаметас очередной дубль.

И. ЧАНЫШЕВ

МЕЧТА И

За последние несколько лет в балетной труппе музыкального театра имени Станиславского и Неждановой Даченко появилось много обаятельной молодежи. Танцуют в спектаклях классического репертуара, они не повторяют своих опятных коллег, а стремятся к свежести, неповторимости, свое, что помогает спектаклям жить и не стариться.

Нельзя мы увидели возобновленные балет «Лола». В первых двух спектаклях героиню танцевали известная балерина Элеонора Власова и Светлана Афанасьева, работавшая в труппе второй сезон. Для Светланы эта роль стала событием. Путь Афанасьевой к классическому балету — прежде всего труд и страстная целеустремленность. После окончания Московского хореографического училища молодой танцовщицей пригласили работать в ансамбль народного танца. Хореографический руководитель ансамбля Игорь Моисеев в это время начинал эксперименты над классическими миниатюрами. Но по разным причинам Моисеев отложил работу над классическим репертуаром. Светлане пришлось спрятать пиканты и надеяться сложить на каблуках, а главное, усвоить новую манеру исполнения. И в первой новой программе Светлана успешно соизволила в цыганской сюите и ряде других номеров. Но мечта о классическом танце на ее день не оставалась молодой артистке.

Теперь Афанасьева работает в балетной труппе музыкального театра.

Лола — С. Афанасьева.
Наптан — В. Ярославцев.

УПОРСТВО

Замечательные природные данные, чуткая музыкальность позволяли ей за минимальное время mastering упрощенное. Маленькие соло, двойки, тройки привели к главной партии в балете «Корсар». В ответственный момент далеко не все было совершенно. Но вышло главное: Афанасова достойна звания классической танцовщицы.

Два года кропотливой работы в театре, ежедневные уроки, хореографические репетиции позы, и вот дебют в «Лоле». Новая героиня Афанасовой — испанская девушка, жертвующая своей жизнью в борьбе с уснетателями. В Лоле — Афанасова раскрывается внутренняя сила, гордость духа. В ее танцах нет ничего показного, ни малейшего намека на эффект. В каждом слове соло Афанасова старается вложить новое поэтическое содержание. И оттого ее вариации не кажутся в спектакле однотипными. Вот первая вариация, полная жемчужности и утонченности красоты человеческой любви. Или строгость и величавое спокойствие в монологе-позе на музыку Гранадоса. В нем и яркость, и таинственность, в которых проскальзывают трагические ноты. Эти переплетающиеся темы человеческой красоты и смерти близки испанской поэзии, потому они так гармонично соединились в танце балерины. Партия Лолы — творческая победа молодой артистки.

В. ГОЛОВИЦЕР

ПОБЕДИТЕЛЬ — ВЛАДИМИР АТЛАНТОВ

В течение месяца в Москве проходила 3-й Международная конкурс имени Петра Ильича Чайковского. Этот конкурс, проводимый один раз в четыре года, давно уже считается себе самым крупным событием в музыкальной жизни всего мира.

В этом году, кроме пианистов, скрипачей и виолончелистов, в конкурсе впервые приняли участие 73 молодых вокалиста — представители двадцати двух стран.

Конкурс был чрезвычайно трудным. Достаточно сказать, что из 73 певцов участвовавших в первом туре, жюри отобрало на второй тур 30 певцов; из них в третьем туре участвовали 14 певцов.

От этапа к этапу повышались требования и исполнители. В общем-то и словенку, и программой, входили классические арии и романсы, срочные современные импрессионизма и обязательные произведения произведений советских авторов. Большую трудность представило для зарубежных участников конкурс исполнение на русском языке произведений П. И. Чайковского и советских импрессионистов. И только те, кто смог выдержать это трудное соревнование, получили право участвовать в третьем туре.

Конкурс вызвал исключительный интерес среди советских любителей вокального искусства. В течение всего месяца зал имени Чайковского, где проходила первый тур, и Большой зал консерватории, где проходил второй тур, были переполнены. Бурными аплодисментами публике приветствовалась побывавшая ей исполнители американского и строго выразили свое отношение к тому или иному певцу.

Первую премию среди женщин завоевала двадцатипятилетняя американка Джейн Марш. Воспитанница Ленинградского консерватории, он является сейчас солисткой Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова. В 1964 — 1965 годах он с успехом прошла стажировку в прославленной италийской консерватории «Скала».

Обладатель большого и красивого лирико-драматического голоса, Владимир Атлантов блестяще справился с трудной программой, с честью завоевав почетное звание лауреата конкурса.

Ал. ЛЕСС

ПОД МИКРОСКОПОМ — ВРЕМЯ

ХУДОЖНИК, КОРОЛЬ И ОСЕЛ

Первой яркой индивидуальностью в итальянском искусстве была, несомненно, Джотто. Собственно, практически именно с Джотто начинается живопись итальянского Возрождения. Джотто справедливо называют основателем всей фигурной живописи нового времени, дедом всей европейской живописи. Он написал прерафаэлитского мастера своего учителя Чимабуэ и его великий друг Данте отметил это в своей бесмертной «Божественной комедии»:

«Кисть Чимабуэ славилась одна,
А ныне Джотто чествуют без лести,
И живопись тогда затемнела».

Талант его глубок и разносторонен. Ведь Джотто был не только гениальным

живописцем, но и выдающимся скульптором и архитектором: по его проекту построена знаменитая капелла (колокольня) флорентийского собора, — и к этому же поэту. Современники же, кроме всего прочего, ценили в Джотто остроумие и веселого собеседника. Рассказы об остроумии Джотто можно найти в «Декамероне» Джованни Боккаччо и в «Новеллах» Франко Саккетти.

В своих ответах, часто довольно язвительных, Джотто забавлял даже сильных мира сего. Когда слава Джотто шагнула далеко за пределы его родной Флоренции, неаполитанский король Роберто пожаловал, чтобы и у него в Неаполе были работы художника. Джотто приехал в Неаполь и распластался на несколько зданий. (К

совместно, неаполитанские работы Джотто не сохранились.) Король нравился наблюдать за работой Джотто и слушать его рассказы. Обычно, когда было особенно жарко, король жаловал: «Такая жара, Джотто, что, будь я на твоих местах, я бы немного отдохнул от живописи. Тогда же позволил ответить: «Ня, тогда, будь я на твоих местах».

Так вот, этому королю Роберто пришла раз в одно утро мысль, чтобы Джотто нарисовал его королевство. И Джотто написал картину. На ней был изображен осел с тяжелым вьюком, а у ног его лежал огромный вьюк. Осел туго и с возмущением обмахивал свой вьюк, явно желая его получить. А на обоих вьюках были нарисованы королевская корона и скипетр. Недовольный король спросил, что означает эта картина. И Джотто разъяснил, что такое королевство и такого его подданных, всегда желающих нового владения.

Трудно сказать, когда возникло искусство карикатуры или сатирическое изображение. Во всяком случае, известно оно очень давно. Но первой политической карикатурой можно считать эту картину Джотто. Карикатуристу «по заказу» неаполитанского короля.

Д. АРКАДЬЕВ

ДЕЛО КАЛОМАНДОРА

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

«Теперь мне известно:
Во-первых, случай асфиксии-Т зарегистрирован у человека, с которым поспорил штурман. И этот человек и штурман погибли от боли.
Во-вторых, возбудитель асфиксии-Т устойчив к двадцати тысячам сильнейших лекарственных препаратов. Это все, что медики пока успели испытывать.

В-третьих, несмотря на применение гепхаза, какая-то часть микробов могла улететь.

В-четвертых, экипаж ракеты, находясь долгое время в космосе, заболел настольной. Оказавшись опять на родине, космонавты, естественно, думали не о соблюдении карантина, а о том, как поскорее выйти из корабля. Может ли Калтов справиться их, выставив выполнять все условия карантина? И каково состояние самого Калтова после смерти Семёнова?

И есть еще несколько вопросов:
Почему асфиксия-Т проявилась у штурмана так поздно, спустя почти два года после посещения планеты?

Почему приборы в карантинном муфте покапали стерильность? Павел Петрович еще раз перечислил в памяти все эти факты, расположив их в ином порядке. Но ничего нового не обнаружил. Он подумал: «Как бы там ни было, чтобы ответить на два последних вопроса, надо больше знать о возбудителе боли».

— Поглетим на Медбазу? — спросил Петр.

Павел Петрович повернул голову к гиганту, подумал: «Судя по всему, он выключил свои телеустройства в комнате Истоцкого, а сейчас выключил их. Почему?»

— Ты повезешь меня?

«Хорошо, — с готовностью сказал Петр. — Вряд ли это будет таким же комфортабельным путешествием, как в аппарате, но тут ведь недалеко.

Он поднял Павла Петровича на руки, как поднимают детей, образовав защитную оболочку из выключенного генератора.

Вдали послышался многоголосый дикси, сгенерированный из пластика, металла и резины и внешне похожий на сложенный пирос. Дикси висел в пятках метрах над землей, покрытой матовой пылью. Это и была передняя база Медцентра.

Главный микробиолог никого не принимал. С трудом они пробрались к его заместителю.

Профессор Мрачек, грузный мужчина с сонным профилем, тоже собрался спроводить их еще к кому-то, но Павел Петрович категорично сказал:

«О, нет, знаю я эту кухню. Сейчасте, что я уже воспользовался правилами санэпидстанции Совета, о которых я пока деликатно не упоминал. Пришлось соблюденанию, дорогой профессор, но вам придется ответить на мои вопросы.

Мрачек указал нечто среднее между возлем и стоном. Его большие глаза нетерпеливо уставились на посетителей.

«Глаза расширены от стимуляторов», — подумал Павел Петрович. — Сейчас работникам Медцентра не до сна. Но все мое сотрудничество может выразиться лишь в том, чтобы не задавать лишних вопросов».

Он сказал:

— Меня интересует: мог ли человек преспособно носить в себе эти проклятые бактерии два года и не подозревать, что болен?

— Волезна, — состояние уже броющегося организма, — быстро проговорил профессор.

— Но два года! — напомнил Павел Петрович.

— На наш вопрос следует все же ответить «да, мог», — торжественно сказал он и поднял указательный палец вверх. — Предполагается ли вы, что такое выживаемость микробов? Слыхали ли вы о ленточном микробе, буквально в последние часы жизни, что он способен образовывать споры. А споры микробов в организме обнаруживать трудно даже при тщательном анализе. И больше того, микроб мог хранились не в головном мозге, а в «черепках» — как ошибка или добавка к «капсуле» в нуклеиновых кислотах клеток. В таком случае обнаружить микроб почти невозможно.

Павел Петрович хотел сказать: «Спасибо, профессор, вы уже ответили на все мои вопросы», — но Мрачек продолжал:

«А этот обычный коки обнаруживает интеллектуальный, бесподобный механизм приспособления. И бы сказал, что это сравнимо лишь с приспособляемостью разумного существа.»

— Что? — невольно вырвалось у Павла Петровича. В его памяти зазвучало слово Истоцкого:

Профессор Мрачек улыбнулся:

— Сравнение — и ничего больше. Но судите сами, разве это не само совершенство? Однолеточное существо, без сложных систем защиты — и тем не менее защищается против самых сильных средств, известных медицине. Мы начинаем исследовать — микроб образует споры. Вводим в кровь титаную — он вырабатывает особый фермент и расплавляет ее. Обильно омывает горло большого антибиотиком — микроб уходит из поверхностных клеток в те, что расположены под ними: всегда на такую глубину, где его не достает лекарство. Он опускается все глубже и глубже, парализует токсемиями местные нервные центры, и они не посылают сигналов. Волевой не чувствует никакой боли — организм не включает в борьбу... У каждого такого есть своя стратегия и тактика, а у этой особей — их всегда три. При этом они могут превратиться в споры, но очень быстро «перодеваются», настоящий артист!

Вспыхнула сигнальная лампочка на календарном стенде, осветила табличку с несколькими словами и расположенные рядом часовые стрелки. Профессор взглянул на стену, на стрелки — его лицо стало испуганным.

— Простите, дела вынуждают меня прервать беседу. В приемной вас ожидает робот на информедтеле. Он ответит на остальные вопросы. Будьте здоровы!

В приемной их встретил робот, похожий на кузнечика, стоящего на задних ножках. Ушии антенны слегка покачивались.

— Я бы хотел заглянуть в клинику, — сказал ему Павел Петрович.

— Клиника, — повторил робот по-женски мягким голосом. Из его груди выдвинулась трубка провентора, метнулась луч — и стена приемной исчезла. Вместо нее — планета. Большая полужидкая-полужидкая на автоноследах, опираясь на дрожащие руки. Он словно гнулся к чему-то, ему не хватало воздуха, ноади судорожно радувался, лицо появилось.

Павел Петрович почувствовал спазмы в горле. Ему тоже не хватало воздуха.

— Довольно, — прохрипел он, и стена-экран погасла.

— Есть ли выдворенные?

— Есть! — тотчас откликнулся робот. — По сведениям информедтеле, три целых и две десятых процента больных выдворивались.

Павел Петрович, а за ним гигант направились к выходу из приемной. Робот небрежно был встал, спросил:

— Больше не нужен?

— Нет, — спохватился Павел Петрович. — Можете быть свободен.

— Вы хотите покинуть Вазу?

— А разве у тебя есть здесь дела? — удивился Павел Петрович. — Я думаю, ты полетелишь со мной. Ведь на всего экипажа ракеты мы пока бездоговорно лишь с двумя...

— Я остаюсь, — сказал Петр. — Если узнаю что-нибудь новое о болезни, сообщу вам.

ВИНУ МОЖНО СЧИТАТЬ УСТАНОВЛЕННОЙ...

Стрелка-индикатор инерциальной системы дрогнула и метнувшись, вылезла. Рубовато светилось и мерцало контрольное окошко пульта. Казалось, что в нем перекатывается хрустальный шар и по его поверхности беспрестанно бегут тени. Павел Петрович ощутил тяжелые веки, но их пронизала утренняя мглающая полнота. Но он уже видел иное — то, что лучше было бы забыть: человек приподнялся на дрожащих руках, ноади радуется, так, что вот-вот лопнут от напряжения. Сипит лицо — такое было у утопленника, — струйки слез стекают по нему, как вода.

«То-то тогда-то сумел превидеть это. И в Кодексе появились два жестких слова: «Карантинный недосмотр».

Павел Петрович вспоминает фразу профессора Мрачек: «Сравнимо с приспособляемостью разумного существа.» И зачем? Это — только сравнение. Для него — да. Но для того, что слышал рассказ Истоцкого, это не только сравнение.

«Хорошо, что Калтов не был на Вазе и не видел того, что видели мы».

«И думаю так, как будто его вина уже установлена».

Он понял, что хитрит с собственной логикой.

«Да, его вина можно уже считать почти доказанной. Но как я ему скажу об этом? Как ему рассказать об этом Совет? Вы виновны по статье севинальной, параграфы седьмой и восьмой? А он слушает информедте, он знает, сколько людей погибло от асфиксии-Т. Что он сделают, узнав о своей вине? После такого нельзя ни жить, ни умереть. Нужно сделать что-то огромное, чтобы искупить вину. Нет, это абсурд! Чем можно искупить смерть людей? Даже если принести человечеству новое знание или новое умение, это не снимет нишу перед мертвыми и перед теми, кому они были дороги. Искупления нет. И все же ему придется

Окончание. Начало см. в № 14.

— Разрешите вызов,— говорит он врачу.

Павел Петрович видит палату, синее, искаженное страданием неизвестное лицо.

«Смотри! Смотри!» — приказывает он себе.

Он знает, что это она, и не может ее узнать. И женщина на экране отчужденно смотрит на него, мимо него. Он понимает: она не видит его, она не может ни о чем думать, кроме боли. Она прислушивается к своему дахканью. Слова горю с трудом проходят тонкие искажающие струйки воздуха. Ей не хватает воздуха.

У него в голове мелькают ненужные сейчас обрывки воспоминаний. Она говорила: «Ты мне необходим, как воздух». Но воздух необходим. Кто-то сказал о любви: «Сильна, как смерть». Но слабее боли. «Такими нас устроила природа».

Он посылал:

— Нади!

Она посмотрела на него, узнала, кивнула: дескать, видишь, какая и сейчас... И снова ее лицо стало иным — она забыла о нем, она могла думать лишь о своем горле и о воздухе.

Он закричал:

— Нади! Ты слышишь?!

И опять! Нади! Ты слышишь! на мгн ее глаза остановились на нем...

жить. Он мог бы и не звонить Совет, притвориться, что не подозревает ни о чем или не знает законов. Но он воспользуется своим правом знать. И тогда...»

Павел Петрович принял срочный вызов по видеофону. Он ответил поспынами и вельчици присел. На экране появилось лицо доктора на эликники, куда недолго поместили его жену. Павел Петрович понял все еще до того, как доктор успел произнести первое слово. И доктор увидел, что он все понял. Сказал поспешно:

— Она жива.

Слова больше не имели смысла для Павла Петровича. Доктору следовало сказать: «Еще жива».

— У нее асфиксия-Т? — спросил Павел Петрович.

— Да,— ответил доктор, не глядя на него, думая: «Никакие утешения тут не помогут. Ни к чему. Он знает, что это за болезнь».

— Я хочу ее видеть.

Врач притворился, будто не понимает:

— Разрешаю вызов.

— Я хочу к ней.

— Это исключено. Постановление Совета.

Павел Петрович помнит. Он сам голосовал за это. Меры, предложенные Медцентром: полная изоляция больных. «Ничего асфиксия-Т не останавливать»,— сказал председатель Медцентра, и Павел Петрович тогда согласно кивнул головой.

«Карантинный недосмотр...»

Лицо врача:

— Вы только мучите ее.

Павел Петрович выключил видеофон.

«Ничего сделать нельзя».

Он впервые осознал полное значение этой фразы. Можешь умолять, любить, ненавидеть, ломать все, что попадет под руку, можешь проклинать или звать на помощь — ничего не изменится. Какне-то микроскопические твари... Какой-то человек, забывший о долге... Карантинный недосмотр — и вот...

Контрольный пулук лихорадочно мигал. Прозвучал резкий звонок, и бесстрастный голос пронес:

— Вы прибыли в пункт назначения.

Павел Петрович наконец-то вспомнил, куда и зачем он летел.

Он вышел из аппарата и оказался на плоской крыше дома. Эскалатор опустил его к подъезду, пронес в оранжерею. Там следователя встретил робот и привел к своему временному жилищу. Павел Петрович увидел посланого, широкоплечего мужчину, очень добродушного с виду и какого-то удивительно устаревшего, будто жившегося на двадцатого или даже девятнадцатого столетия. Ему бы очень пошли висючие усы.

— Здравствуйте,— поздоровался Павел Петрович.

Ему показавлось, что доктор должен ответить: «К вашим услугам». Но доктор просто кивнул в ответ и взглядом указал на кресло. В комнате присутствовал слабый аромат, и, хоть он показавлся следовательно знакомым, Павел Петрович не смог определить, чем пахнет.

Вайнера. «Постой, постой... — сказал он себе. — Кажется, это именно то, что мне нужно».

Вайнер зарадил колонии стафилококка на питательном бульоне, а затем действовал на них различными антибиотиками. Всякий раз колония погибала, бульон становился прозрачным. Но где-то все же оставался едва заметное в оптический микроскоп пятнышко. Это пятнышко и оставалось остаток колонии. Они приобрели устойчивость к данному антибиотик и передали ее потомству. Так доктор Вайнер получил в конце концов штамм золотистого стафилококка, устойчивый ко всем известным в то время антибиотикам. А затем, действуя на него нарастающим, высушиванием, вакуумом, Вайнер вывел стафилококка, способные образовывать споры.

Петр увидел диаграммы и фото. На одном из них что-то очень знакомое... Ну, конечно же, они похожи! Именно таким путем из обычного возбудителя ангины и образовался этот неуязвимый возбудитель афсинки-Т. Место штамма не заражал на Землю, он сам заразился. Командор Катков не нарушил своего долга. Первая часть вопроса решена. Но есть Штурма никто не заражал на Землю, он сам заразился. Командор Катков не нарушил своего долга. Первая часть вопроса решена. Но есть «вызведен» таким необычным путем, то к его генетической памяти не применялось несколько столетий тому назад. Против них у него не должно быть защиты. Надо попробовать древние средства. Например, раствор соды и соля.»

— Уже сказано, Петр — сказал Весе, подходя к нему. — Я пришел к таким же выводам и проверил их. Возбудитель образовывает споры лишь в ответ на известные ему яды. А со сдоло-солевым раствором он незнаком и не прикрывается «цитом». Несколько полосканий горла раствором — и большой здоров.

ПЕРЕД ТЕМ, КАК ДОЛОЖИТЬ СОВЕТУ...

Павел Петрович все еще не мог решиться... «Как мы скажем ему? Нет ничего большего это называния. «Карантинный недосмотр». А он знает, что стоит за этими словами.»

Павел Петрович хочет представить, лицо Каткова, но перед ним всплывает лицо умершей жены. Следователю укладывают пеленки с покаянными свидетелями: на лодку, если обвиняемый захочет познакомиться с ходом следствия, с людьми людей, которые вез его. Но Катков не захочет — в этом, как правило, Петрович верит.

«Лучше бы он захотел. А вдруг там можно найти какое-то отклонение от логики, неточности? Тем более, что из-за его ошибки...»

Всплывает сигнал «разрешите войти». Павел Петрович машинально нажимает кнопку переговорки и видит Каткова.

— Здравствуйте, — отвечает Павел Петрович, — не приглашает войти. — Здравствуйте, — говорит Петр.

— Здравствуйте, — отвечает Павел Петрович. — Вот собираюсь в Совет по делу Каткова...

Он готовится сказать, что оно уже закончено, что командор виновен, но неожиданно, впервые за все время, что знает Петра, тот перебивает его:

— И я к вам по тому же делу.

— Он высказал что-то новое, очень важное.

— Возбудитель афсинки-Т — мутировавший стафилококк.

«Несколько деловых слов, скаваанных нарочито небрежно... Что понадобилось Петру, чтобы добить их? Этого он все равно не скажет», и Павел Петрович несколько произносит то, что можно уже не говорить, и что звучит просто, как вадок облегчения:

— Значит, он не виновен.

Петр словно не замечает его слов, словно не понимает, что они — признание: «Раньше я приняла и иную выводу».

— Уже известно и радикальное средство против афсинки-Т.

— Лицо жено, искаженное страданием... «Радикальное средство... Если бы пять дней тому назад... Пять дней — целая жизнь...»

Петр продолжает:

«Доложите о своих выводах Совету. Я там буду завтра.»

«Вот почему он перебил меня. Все получается так, как будто он сообщил мне лишь факт, а вывод о виновности сделал я. Впрочем, если бы этот факт был мне известен, то... Но что лежит в основе его поступка? Почему он отказывается от славы, от благодарности человека, который обидел его недостоин?..»

КОМАНДОР ВЫПОЛНИЛ СВОЙ ДОЛГ

— Спасибо... Катков пожимает руку Павлу Петровичу, думает: «Хорошо, что это сделал для меня человек, и ему можно пожать руку. Я правильно поступил тогда... Может быть, мыслительные возможности гиганта больше наших, а логика точнее, но в своих делах мы разберемся сами.»

Он стоит перед следователем, прямой и негибкий, как параграф Устава. Напротив Павел Петрович ожидает, что его лицо смягчится, потеплеет, — оно спокойно, неулыбчиво, будто наглухо засаженно на «молнии», как куртка. И Павел Петрович понимает, что Катков уже никогда не станет таким, как геолог Истодий, как доктор. Но разве он виноват в этом? И нельзя ли ласково опустить руку на его плечо, или сказать сочувственные слова: это будет неуместно.

Командор так таким потому, что кто-то должен был стоять так и идти. Чтобы вылезла ракета выполняла задание и вернулась. Рад, что все так кончилось, — говорит Павел Петрович и добавляет обычную формулу юриста своего времени: «Извините за подозрение».

«Замурованные шедевры»?

В прошлом году в «Смене» № 15 была напечатана статья профессора «Замурованные шедевры». Напомним кратко ее содержание.

В старинном подмосковном селе Вороново, принадлежавшем некогда небезызвестному московскому генерал-губернатору графу Ростопчину, существует разветвленная сеть подземных ходов. Легенды, бытующие среди местного населения, утверждают, что в этих ходах являлись поместья во времена Отечественной войны 1812 года замурованы огромные ценности, в том числе богатую коллекцию картин и книг.

В последние время энтузиасты-краеведы несколько раз пытались разгадать тайну воронинского лабиринта, но все их старания ни к чему не привели: обнаруженные участки ходов прерывались мощными завалами, а точного плана подземных помещений разыскать не удалось.

Недавно номер нашего журнала со статьей «Замурованные шедевры» попал в руки кандидата технических наук Георгия Васильевича Грошевича — автора прибора для магнетометрической съемки. Этот прибор, легкое обнаруживающий подземные аномалии, в том числе и пустоты, сейчас с успехом используется экспедициями Института археологии Академии наук СССР. Георгий Васильевич решил с помощью своего прибора попытаться разгадать тайну воронинских подземелий.

Этим летом он вместе со своим сыном поселился в Во-

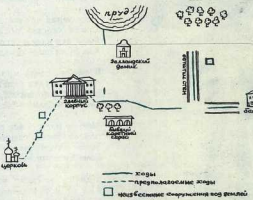
роново и приступил к осуществлению своего плана. Метр за метром они тщательно обследовали всю обширную территорию усадьбы, на которой расположено дом отряда Госплана СССР.

Прибор работал безотказно. Магнетометрическая съемка не только позволила составить подробный план всех систем ходов, но и указала на крупную аномалию в одной из точек. Как утверждает прибор, в этом подземном помещении на глубине 2,5 метра находится скопление металла весом около полутоны. Г. В. Грошевич выдвинул три версии, объясняющие происхождение этой аномалии: 1. Кусок трубы или балки, «забытой» строителями; 2. Железная дверь, программа, лежащая путь в склеп (в старинных преданиях путь во гробницу открыт у врат, «аведущих к кладу»); 3. Склад каких-то предметов.

Георгий Васильевич обратился к «Смене» с просьбой помочь довести начатое дело до конца и передать нам схему подземных ходов. Мы надеемся, что с помощью недавно созданного Всероссийского общества охраны памятников культуры и городских организаций Подольска, в чью ведение находится село Вороново, в самое ближайшее время загадочные подземелья будут тщательно изучены. Ведь речь идет об уникальном творении русских крепостных строителей XVIII века.

Позже мы сообщим нашим читателям о результатах раскопок.

план подземных ходов

Владимир ЛЕОНОВИЧ

ПЕРВОЕ
ЗНАКОМСТВО
С ПОЭТОМ

Прочтав стихи Леонovich, можно с уверенностью говорить о том, что их написал человек, наделенный природным даром поэзии, что творчество поэта имеет большую перспективу. Леонovich пишет грустно, стихи его далеки от глаголизации, потому что жизненный материал, воплощением которого является поэт, труппен и велик. Возникает сопереживание этого материала, отсюда ощущение полноты пережитого, выстраиваются слова, строки, строфы. Леонovich ходит в поэзию с тех вершин, о которых писал корговец Семен Гурзуков в известном стихотворении «Я был лехотой в поле чистом». Леонovich тоже был лехотой, но только не на войне, а во армени и в себе. Он много переуламал, перевел, перестрадал, многое прочитал, многому научился, и печат всего этого — стихи молодого поэта.

Жизненный материал не всегда лучшается слову. Порой в книге Леонovichа между чувствами, между мыслями и словом слишком большое расстояние, то есть невоплощенности. Но все лучшее стихи гармоничны, проливаются течением жизни, большой, сложной, интересной. Сегодня Леонovich наиболее следы в непосредственном изображении жизненных явлений действительности. Странным, встречи с людьми, судьбы со-временников, исторические ассоциации, связанные с удивительным и удальным, и просто картинным окладом, лиц, городов, горог сливаются в повесть нашего армени, составляя основную содержание и главную форму творчества молодого поэта.

Александр МЕЖИРОВ

По дороге Красноярской

Г. М. ЛЕВИНУ

Свет от ночника,
от красного скупого языка
скосял мне под пером чернеющую
темь.
Темно и тихо, день прошел как
день:
опять по всем участкам колесика
и германского вкуса.
И вот смилу и керасиному.

И всеми пораями я чувствую Россию.
И всеми ребрами.

Неспешно, исподлобь, надежно,
капитально
она, срединная, континентальная,
меня берет руками жесткими
и добрыми.

Я ощущаю так ее пространства,
как будто бы они громадно вогнуты
и промагнитичны.
И протретье, проспать
еще я долго не смогу,
и много керасина я сойму.

Смилу за русской пелю ночью
в комнате
в косой избушке на улице
Крестянской,
на станции сибирской
Черночеренской,
на западном плече
Красноярской —

за делом божеским сам
человеческим.
По возрасту опасно-вискозная,
идет, как надо, жизнь моя колесная.

Живу. Плачу сплона за все
оплошности
своей чудной интеллигентской
должности.
Согласно должности рабочи
я воспитываю.
Могучей прантничкой теорией
испытываю.

Трещит моя теория возлюбленная,
а не сдается, ибо кормит дернинею.
Я знаю: ружин дерево
изрубленная —
и корень снова выжмет
прутик-деревце.

В сугробах длинных невадлин
от станции
уже с пологода в тупичке
останавливается
нам поезд боевой
самолет-монтажный...
...Пронизан воздух итлами
и призмами.
В морозной хмарь Красноярск
наступленный.
Брожу по городу, любя
не полюбленный,
но этим городом рабочим
признанным.

Притнувшись, дремлют его люди
обмывенные
в вечернем пригородном
темном-темном поезде,
и, двучасно меня, спасен
от пошлости,

Алексей ЗАУРИХ

Дома

Снов соседок не губя,
стучуца в ставень, в дверь толкаюся.
Я домой к себе вернуся,
а точней — явнша в себя.

Тыя запах прейрой ржа,
дождь хлещет по всей округе,
были его капли тутя,
как ружейные пыжи.

В окнах, средь кромешной тьмы,
свет как будто удивился,
ибо я домой авался —
вот же ждали! — до зимы.

Мне не надо — все равно! —
пьясок, несей, самогона.
Знаю, ничего такого
дома не припасено.

Ждали — к седи на столе.
Я же не к праздникам — я к дому,
к свету добром, седому,
а точнее — я к земле.

Есть два дома у меня:
там, в Москве, и здесь, под Псковом.

Нынче в горе сладким комом
бьется свет его огня!

Я дмну, как в детство, вясель.
— Пей! — зывает ладком водника.
Родина — не забудаться,
Русь — вовеки не пропасть!

Заново рождаюсь я,
может, в самом главном смысле
у колодца, у ручья,
где, умбон не так,
на лебкежком коромысле
заплясывает баба!

— Подожди! — вкнуту в дождя.
— Скоро снег! Он будет белый!
Все что хочешь со мной долай,
а до снега подожди!

И стряслося!..
Скрипуч, тажед,
свет, дая кустирик хлмай,
ахуа всей своей махновой,
как тягач, по ниям пошел!

Грохну, змну тороя,
лег, обвылся, потянулся..
Чудась, что я вернулся
в дом родной; к себе —
в себя.

Снегов поначоных торжество
в окне. И воя не обидно,
что за снегами нечисто,
хоть ты глаза разбей, не видно.

Часами можно не дыша
следить теченье мглы и дыма.
В тебе работает душа,
как вечный двигатель, незримо.

Ты брел по снегу, был влюблен,
Вот так, нечаянно отжався,
окном от мира отдался,
ты близок с ним до спазмы в горле!

Тебе милам и свет и тьма.
Вот так, нечаянно отжався,
дети завесу явет, чья тяжесть
неподвижна для ума.

Ты во Вселенной, в глубине
созвездия, луз — в своей тарелке.
— Волонина. Ночь. Снега в окне,
И улыбаются во сне,
за день наивышлись, сидежи.

кто разгадал во тьме их лица
темные.

Под вечер люди silently
утверждают,
особенно если конец недели,
и на вагонных полках утверждают,
как в мастерской художника модели.
В их позах все их нормальнейшие,
перевалополненные,
и годовые трудовые доминанты.
Они сидят, они лежат, еще
не выплывшие.

Топыряты их вагонки скульптурные,
кручатся их полубубки,
звучат непогода их речи
бесцензурные,
их шутки...

Контора поезда. Горит в конторе
до ночи
оно бухгалтеря Григория Федотыча.
В расщедроточенном

шарашь-монатном
перерасходном аварийном поезде
главбух сидит ночам в тихом поиске,
оотыт за тригеникотом каждым.
Степной тощей

тысячи оправдывает —
копейки лишней сам не получает.
Бухгалтера то бесит, то печалит
то факт, что поезд жулика
обкрадывают.
О, в запомню эти бедья

бездарные,
глаза, ресницы эти, редкие,
бесценные,

запомню веки, красивые и сонные,
по мне они, о н — краснознаменные.
И сколько б за день ин накопился я,
когда к немогу тшатат меня ноги,
в чую на себа, как свет оконный
силу
свою
являют

в середине ночи.
Главбуха профиль очертил нестрогой,
сквозь марлю занавесок

пробивается,
на все Сибирь,
на все мою тревогу,
являя силу,
свет сей проливается.

Письмо

Ветер смарывает губ с губой,
свищет в сорок градуток
енейской трубой.
Ветер шутит шутки
ышке полубубка,
норм полубубка.

Забират ветер все как есть права,—
кажется, не вырвет весной травы.
Ветер выдувает пыльный снег —
ни за что не вырастет трава по весне!
Глина колокольная голым-гола,
берегу продутому далеко до телла.

По причине ветра
Енисей лысают.
Можно на пропеллах монеткой

рисовать
Черный лед нетровый,
черная вода,
о чем пишу, не скажут никому,
никогда.

Лед себа взломает —
уйдет письмо к тебе
да где-нибудь растает
в Енисейской губе.

Аркадию ФИЛАТОВУ

Итак, наш добрый старый
пафос
мы убирала, словно парус.
В музее его определяем
и под водою открываем
тепеломедленные иплн.

Мы славный парус не забыли,
не разболели, и неварно,
что нет уже былого ветра.

У наших сил — иная мера.
У наших дней — иная тра —
и ветру нашему крепчать.

Нам думать надо — не кричать.
Пусная резаться и бодрится
старобрядцы.

Прораб Бешох

Ивану Яковлевичу БЕНЮХУ,
строителю КМК
и Залсиба

А он трехменно, свято
в строю погружен,

и меньше этой мер
не может он...
Беда!

Приемыча сердца, смертный
опуну труда.

...Автобус, гроб жесткий,
жестко дребезжит.
Молчит прораб ружьяный
и чует μέσα жить.

Он дома будет где-то
в двенадцатом часу.
Забромет за газетой
с очками на носу
и захралит, и подушке
прислонится едва.

Вздонет его старуха,
весь век полувода,
а в пять подьем. И снова...

...Дымится КМК.
Заревом багровым
подбиты облека.

Вот располовако за
ГОлом полумарк:
стекает по отвалу
желто-багровый шлак.

Я жну прорабу руку,
в глаза его смотрю
и молча за науку,
за жизнь благодарю.

В строительном народе
он корень из корня,
он вырост на работе,
он старится на ней.

В него работа вьелась,
он от работы риб.
В его фамилия вьелось
прозвание «ПРОРАБ».

Когда бубинг он сиппо
на домовой чуть свет,
нам ясно, что Залсиба
без Бешоха и нет.

...Расседатся ребята
порой на старика:
— Опять в год тридцатом!
Опять «на КМК»!

Спорят с ним, дотошным,
о разнице времен.
День настоящих прошлым,
бывает, мерит он.

Порою чуть слышнимо
дают ему совет.
Порою напряженно
молчат ему в ответ...

А он огнем тридцатых
обуглен, обожжен.

Пароходик крохотный зсает,
сладо резинает позвонки,
и кричит, и в горле застревает —
костью в горле
Демухи-реки.
Север, север —

сказ мой,
белый кречет
с бусинкой кровавой на груди!
Он таится, бисеру не мечет,
исе, что бует. — Будет впереди.
Сбор идет, словочные и сильные
являемого севером из мглы.
Нитка к нитке — ширится сиянье,
душа в думу —
строгие ставды.

Проплывающий в гулах, в голосах,
кровель,
и стою
заре и мреку ровень
в этот час
у мира на часах.
Облава и луны — шаг парадный.
Повстори холод, неземной.
Путь неотвратимый, неотвратимый,
давние причалы за спиной.
Над водою судорожной,
в Дреме

я расту сквозь ночь
глазами в день,
и горит и шипнет к речке Деме
ягода такая — голубеня.

Ночной пловец

В своем ли ты уме, ночной пловец,
когда, ногой, отталкивая сушу,
под сводами воды теряя вес,
вдруг ощутишь свою вагуу душу!

Из люльки засыпающей волны
глядящий, как шаро и поукротимо,
чуть пригнула дамасский зов луны,
заведывая вернуться вайтосима.

Ночной пловец, что ж замер ты!
Пальми,
прекстившийся теплом, соленой
ванной!
Но страх скользят булавкою
в крош —
забыл ты, где он, брег обегованный.

Там паж, голчан и спунница твоа,
я расту, мыхх сверкериков ничтуа,
там уж даво по отпуску друзяныс
встают в бийе, домой веруваюныс
с юга.

А ты как бы навек пропался тут,
приникн к высоте, к дмхной йода
и слышнине, как зрече твоо расту
в толпе светла, в долине небосвода.

А страх! Бог с ним! Ты вновь готов
начать
весь этот путь, исполнившись отваи,
чтоб, голос свой являя, зазвучать
в гармонии морей, длысты и влаги.

И черный шалом и лайнер голубой
зовут, манят, твоих вожаждав жалоб,
и, как дары, просят над тобой
фонарьно-фокстроты верхних палуб.

К чему их зов Пальмеш, как можеш,
сам,
ты, пилгрим, влюбленный безответно
в прекрасный мир, распластанный
плывадам,
седым от одиночества и ветри!

Дурная примета

В суматошное утро одинаково справедливыми казались высказывания и влиятельного французского дипломата Талейрана и нашего механика Виссолода Юркова (ли же Севушук).

Один как-то сказал, что о чужой стране вполне можно судить по ее представительству. Другой, поднимаясь по трапу «Ту-104», мрачновато изрек: «Меньше едет — дальше будешь».

Первый имел в виду любое посольство, в том числе и посольство Великобритании в Москве. Второй — и без того неспешно по составу сборную команду Советского Союза, которая осталась еще без одного гонщика.

А началось все с нелепой шпильки посольского клерка. Он сидел в тихом, просторном кабинете и небрежно читал книгу. Может быть, этот клерк и не питал неприязненного отношения к английскому молоку и не желал поражения советским велосипедистам. Однако факт есть факт: в одном из паспортов советских велосипедистов не оказалось въездной визы...

Обнаружилось это, увы, поздней ночью, когда уже сделать что-либо практически было нельзя. В восемь с минутами утра, за два часа до начала работы в посольство, улетал наш самолет. А это означало: сборная команда СССР должна лететь без Владимира Черкасова. Именно это и имел в виду Севушук, когда говорил: «Меньше (гонщик) едет — дальше (в итоговой таблице) будем».

Судите сами, каково было наше настроение, когда мы бежали по гудимым переходам Шереметьевского международного аэропорта, задерживая по полчаса вылет самолета и асы-таки ставшая товарища, на счету и мастерство которого рассчитывали. Судите сами, каково было настроение у Владимира Черкасова, стоявшего рядом с капитаном пограничной службы, который смотрел с искривленным сочувствием на расстроеного Владимира (два дня спустя Владимир Черкасов, исправляя ошибку клерка, все-таки «догнал» команду уже в Англии, перед самым стартом).

А тогда в самолете, после двух часов невзбретки, оставалось только отстрить по поводу всемирно известной английской пунктуальности. Если еще вспомнить, что это было первое участие советских спортсменов в ставшей уже традиционной (она проводится в девятый раз) гонке, если учесть, как мы это себе представляли, что Англия сейчас живет только чемпионато мира по футболу, то нетрудно понять, как черным-черна была гамма наших эмоций. Не исторический прием в Лондонском аэропорту с десятками фотоператоров, но охватывавшая улыбка первой «мисс Молоко», ни стикеры действительно прекрасного английского молока были не в состоянии заглушить общую реакцию накануне старта большой многодневки...

Что ни говори, плохое начало — дурная примета...

«МОЛОЧНАЯ ГОНКА»

Велосипеды и молоко

Ириричного цвета здания предревной постройки, упрятанные под тенистые кроны чудесного парка в лондонском предместье, всего десять лет назад не имели совершенно никакого отношения к спортивному миру. И впрямь, какое отношение может иметь Управление по сбыту и производству молока районов Англии и Уэльса к секундам, очкам и сантиметрам, характеризующим честную спортивную борьбу на зеленых стадионах? Ведь конкуренция в торговле молоком, как она ни опасна, как ни жестока, но называет спортивным состязанием!

Однако управление взялось ухватить эти два понятия — молоко и спорт — в одно целое. Сейчас трудно сказать, кому пришла в голову идея «Милк рейс» — «Молочной гонки», практически околывающей «Острова спортивных традиций».

Почему-то над этой затеей посмеивались, «Короли молока» — и спорт! Кто только не изощрялся в отряхах по адресу организаторов тура! Однако Британская федерация велоспорта решила пойти на компромисс с деловым миром: денюжку в торговле молоком, что касается спортивной части, то уж позволяйте это делать, как мы считаем нужным.

Нельзя сказать, что организаторы из Британской федерации велоспорта ждали гонява, убоженства, удурования, благодатная почва. Не было особого интереса к велоспорту, не было интереса, естественно, и к гонке. Но что может азбавить подвизавшихся спорту людей, чем само спортивное состязание? Уразумев всевыше элементарную истину, что бессмысленно советовать на отсутствие классных гонщиков, когда не проводится ни одной мало-мальски стоящей многодневной гонки (аналогичное положение, между прочим, и в нашей стране), руководители Британского велоспорта взяли «Молочную гонку» под свое згиду.

Они рассчитали правильно. И вскоре спортивная часть «Тура Британия»

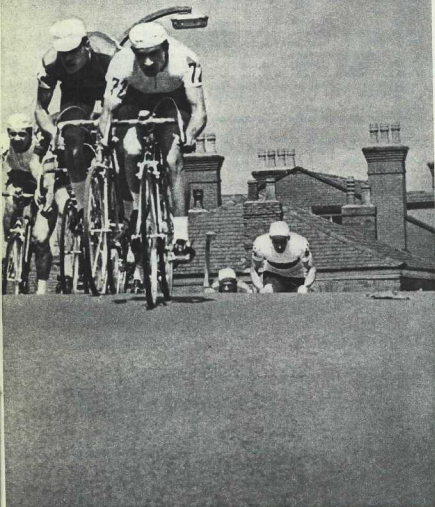
оттеснила на задний план рекламную. Гонка стала не только одним из крупнейших спортивных состязаний страны, но и заняла ведущее место в международном календаре. Все это сегодня позволяет организаторам тура не очень скороно завлащать, что «Милк рейс» — крупнейшая любительская многодневная велогонка в мире, что, увы, пока не соответствует действительности. Но если дела пойдут так и впрямь, то оно, несомненно, выдвинется в число наиболее популярных и интереснейших состязаний шоссейных гонщиков.

Вот почему Центральный совет Союза спортивных обществ и организаций СССР решил принять настоящие предложения Британской федерации велоспорта. Это решение помогло еще более утвердить спортивную часть в полупрофессиональном предприятии.

Но надо быть справедливым. Реальная машина «Молочной гонки» ботала исправно — без этого немалым капиталистическим миром. Страны молока — и велосипедные колесо! Позднее мы познакомились с нехитрой философской базой, подвешенной под эту рекламу: «Молочная гонка» — крупнейшая любительская гонка в мире. И молоко, естественно, лучший в мире напиток. Спорт требует массу энергии — молоко дает эту энергию. И гонка и напиток — для чемпионов».

Заводы Форда предоставили машины для обслуживания гонки. Компания «Лав» дала радиостанции. Известная фирма «БСА» — мотоциклы для посыльных. Газета «Дейли телеграф» установила специальный «Приз короля гор». И невозможно перенести всех, кто подарил 18 тысяч пинт молока, 6 тысяч штук апельсинов, 5 тысяч штук яиц, 200 галлонов фруктового сока, 720 ящиков шоколада и 10 тысяч стрелок-указателей, которым отменился маршрут очередного згала.

Каждый по-своему делал свой маленький бизнес и рекламу. В Манчестере встречать советскую команду специально приехал Томас Симсон, один из популярных гонщиков-профессионалов, победитель «Тур де Франс» 1964 года. Он улыбаясь кинокамерам, дарил свои портреты за за-

готовленными автографами и совершенно искренне желал победы нашей сборной.

У чего было основание относиться к русским теплее, чем к представителям других стран. Как-никак, а Россия стала его крестной матерью... Когда-то, на заре своей спортивной юности, Симсон принимал участие в матчевой встрече велосипедистов двух наших стран. И во время составной под Ленинградом поездки из английской скандинавские русские мальчишки, обменявшись заборами вдоль трассы: «Сае-ре-а, сие-ре-е!» — показывая созвучным английскому слову «спарроу» — воробей. С тех пор кличка «Воробей» навсегда прилепится к лидеру английских гоцинок, по слогам говорит «Во-ро-ба-й»! И это слово становится как бы символом нашего взаимопонимания.

Один день многодневки

Дни гонки похожи один на другой и в то же время наполнены своим собственным, неповторимым ароматом. Ароматом победы или поражения, надежды или разочарования. Печальное разочарование и горюдое прощание перед глазами гоцинок — жителей этого своеобразного спортивного табора на велосипедных колесах, который в течение двух недель ни разу не ночевал две ночи в одном и том же городе.

Он просыпался рано, этот табор, разбросавший свои шатры под крышами маленьких пансионатов, вкрапленных в ландшафт самых различных частей Англии.

Начинался день в пять утра. Первыми поднимались и отправлялись в путь четыре слевых английских парня — рабочие крупного металлургического завода. В их обязанности входила разметка трассы этапа. Они высекали на столбы, стены, любые удобные предметы тысячи красных стрел, указывающих маршрут тем, кому суждено пройти по этой дороге через несколько часов.

Бедные ребята! Они влезли за это небогадное и чертовски трудное дело не столько ради заработка, сколько из желания посмотреть страну и гонку.

— Разве это жизнь? — говорил с горечью один из них. — С детства работаю на заводе. Сотни тысяч людей улетают каждый день на моих глазах в самые разные страны. А я за всю жизнь дальше соседней деревни никуда не выбирался. Все денег не хватало...

Что касается страны, то ее они повидали, поскольку попали в день на своем «Иорсаре» почти пятьсот километров. Сначала ввели стрелками указатели, потом возвращались в город, чтобы снова отправиться в тот же путь, но снимая стрелки. А завтра утром все повторялось сначала, только уже на новых дорогах. Гонку же они так и не видели. Лишь вечером, несмотря на усталость, собиравшись в бары, чтобы отдохнуть, позавтракав, не жалея слов, не жалея только, когда они отыдали, ибо, вставая в пять утра, заканчивая свой рабочий день в восемь-девять вечера.

Вслед за стрелочниками просыпался механики. И раньше других — наш Севушка. Он ложился обычно далеко за полночь, готовя машины к следующему этапу, но вставал, однако, раньше часа, чтобы еще и еще раз проверить, все ли в порядке, чтобы повторить уже в который раз свои извечные и тонкосущные манипуляции с машинами.

Севушка шел в тесный английский дворик к машинному складу, аромат, несшийся из кухни: хозяине пансионата уже готовили традиционный завтрак — жареное яйцо и бекон, тосты, немного масла, джема и неограниченное количество молока, которое аккуратно доставлял специальный грузчик в нашу очередную гостиницу еще задолго до того, как мы туда прибывали.

Уставо, с немудрыми этапом все трюможене, спят гоцинки. Они поднимаются за два часа до старта. С аппетитом едят и бегут к механику — поговориться, какое соотношение шестеренок поставить на сегодняшний этап. Каждый знает, что решение, принятое в последнюю минуту перед стартом, самое верное. Как завороченные, шепчут они задогадочные численные комбинации сухих цифр.

Потом гоцинки не спеша, капитально одеваются. И, забравшись на гонку, пристраиваются за командой, машинной, или фирмой, которую обслуживают. Начинается мучительный поиск места старта — каждый день новый, незнакомый город предопределяет новые сюрпризы...

Цветастые отряды накомы, стаяются к месту старта, ищащему зрительским. Гоцинки разбирают питание, заправляются водой, кофе, который каждый заваривает по своим секретным рецептам.

Медленно трогаются в путь караваны машин обслуживающего персонала и рекламы, которые увидят теперь гонку лишь на финише. С уходом этих машин теряется всякая связь с командиркой. Она как бы остается по ту сторону спорта. Борьба отныне поглощает всех — и участников, и зрителей, и организаторов, и даже тех, кому по положению надо заниматься рекламными делами.

Где-то за спиной гоцинок остается изр города, провожающий их на старте. Где-то впереди через несколько часов придет на финиш глава нового города, чтобы надеть «лавровый» (читай: пластмассовый) венок на шею победителя этапа.

Торжественный старт медленно раскрывает длинное тело гонки. Врач и медицинская сестра, выисываясь на фоне санитарного автомобиля, в последний ряд сворачивают о самочувствии. Из судейских машин тренеры дают последние напутствия, стараясь перекинуть шум моторов, шест тысяч и крики тысяч зрителей. Но вот падает ключевой флагок, и, словно подстегнутые невидимой плетью, гоцинки рванулись вперед. Пущены хронометры!.. В зрине раздаются первые позывные: «Молочная,

Идут мидеры!.. На Горбатох жосту они появляются как из преисподней.

Последние минуты подготовки перед длинной дорогой. Сборная СССР в центре внимания.

первая, молочная, первая — всем службам.... Двусторонняя радиосвязь не умолкает ни на минуту. Маршалы, записанные в чертовку книгу, поверх которой надеты яркие оранжевые жилеты, на мощных мотоциклах уносятся далеко вперед. Они перепрыгивают боковые дороги, предупреждая опасные моменты. А бездорожье — это не просто ухабы и колеи на дорогах, забытых тысячами машин, не прерывающиеся. И нужно — большое умение, чтобы провести сложный «езда» гониме сквозь толпы несущихся автомобилей, спешащих не только навстречу, но и обгоняющих колонны. Переворачивать движения вправо или влево делается резко, даже остановить машины нет права у организаторов: честная совесть, неприкосновенна.

В спортивных машинах носится вдоль колонны журналисты, фотокорреспонденты, операторы кино и телевидения. Вечером гонимце смогут увидеть на голубом экране. Самые драматические моменты спортивной борьбы сегодняшнего дня. Могут, но никогда не увидят, потому что к моменту выезда в эфир последних известий они будут спать мертвым сном. И к тому же им не нужен телевизор: перед глазами еще долго, почти до рассвета, будет бегать телевизионная камера.

Через пять часов гонимце финиширует. Они проносятся по зарпуганному народом улицам города. Он растворяется в толле из 50 тысяч зрителей, с восхищением оглядывающих парней, которые вот только сейчас прошли много трудных километров.

Счастливым победителем этапа получает награду и поднимает вместе с маром стакан молока. Десять емких Молокос — живые декорации гонимце — разносят значки и охотно начинают улыбаться из-под слоев белых «волокна» шипсов. И не забывают повторить заученную фразу: «Свое молоко — это моя слава».

Для гонимце же, прошедших сложный, долгий этап, нет никаких заманчивых крошечек. Скорее в душе, скорее в гостиюнку! Обед. Поздний английский обед. Массаж. Последняя консультация с механиком, готовящим машину. И снова, снова в путь! Завтра снова покатыся по дорогам многоэтапной гонимце.

Что такое «езда»

Кто назвал колонну гонимце поездом, сейчас не вспомнить. Однако нет слова, более точно определяющего это понятие, чем «езда». Это действительно «езда» — из ста живых вагонов, которые на первый взгляд практически держатся на дороге, но в то же время подчинены своим неписанным и писанным законам. Писаных правил, и они строго. Они изложены в уставе гонимце. Они грозят штрафами по десять, двадцать, тридцать минут. Дисциплина движения — это основное правило колонны гонимце. Оно является непреложным законом «езда». Это есть одно из основных принципов гонимце. Это правило утиного движения: о двойной белой линии (вагончики знаются) наносится в середине дороги не десять опасных участков. И горе тому, кто пересечет эти Гонимце получает десять минут штрафного времени. И эти минуты отбываются в общей классификации назад.

Место на десять минут не существует. И не кому. Они изложены в уставе гонимце. Они грозят штрафами по десять, двадцать, тридцать минут. Дисциплина движения — это основное правило колонны гонимце. Оно является непреложным законом «езда». Это есть одно из основных принципов гонимце. Это правило утиного движения: о двойной белой линии (вагончики знаются) наносится в середине дороги не десять опасных участков. И горе тому, кто пересечет эти Гонимце получает десять минут штрафного времени. И эти минуты отбываются в общей классификации назад.

Мы решили выложить указания пунктуально. Но некоторые иначе отнеслись к правилу двойной белой линии и сразу же поплатились за легкомыслие. Швейцар Регамей и поляк Дилек — победители третьего этапа — взяли заново, и я, из-за негра, что, чтобы быть счастливейшим, отлетел назад на десять минут каждый. Это оказалось особенно чувствительным для поляка.

Гонимце в «езде»! И в средн спорник, и средн друг, и один. Он неуправляем. И в то же время под контролем десятков глаз.

Рассекая по мере возможности транспортный поток, движется перед «езде» полицейская машина. Мощные громкоговорители извещают о приближении гонимце, щедро раздавая благодарности остановившимся водителям: «Благодарю, водителю, благодарю...»

Идет «езда». И в то же время под контролем десятков глаз. Идет «езда». И в то же время под контролем десятков глаз. Идет «езда». И в то же время под контролем десятков глаз.

Идет «езда». И в то же время под контролем десятков глаз. Идет «езда». И в то же время под контролем десятков глаз. Идет «езда». И в то же время под контролем десятков глаз.

Идет «езда». И в то же время под контролем десятков глаз. Идет «езда». И в то же время под контролем десятков глаз. Идет «езда». И в то же время под контролем десятков глаз.

Идет «езда». И в то же время под контролем десятков глаз. Идет «езда». И в то же время под контролем десятков глаз. Идет «езда». И в то же время под контролем десятков глаз.

ставляет людей спланиваться воедино, включать в действие чувствоз взаимной выручки, когда, попеременно лидируя и прелая за спину товарища, работает весь «езда».

Как правило, он довольно прочен на ровной дороге. Но всегда зарежет энергией разрыва. На равнине любой, даже посредственный гонимце может отскандать за чужой спиной. В гораз же каждый должен работать сам.

Все выше и выше взбирается «езда». Десятки разрозненных вагонов... Десятки одиночек, упрямо идущих вперед. Вот уже изумрудная окраска окраски сменяется седой пылью выгоревшей и подмерзшей травы. Серые змеи тумана равняны красным цветущим за микроскопической седой туманности. Серые, под спату туману и траве, овцы с черными демониескими головами то появляются, то пропадают вновь на окраске склона. Иногда овцы, как призрачные видения, вдруг перепрыгивают через каменистый овраг на дороге и пуляют гонимце. Если это случается на спуске,— беда...

На крутом уворале высочайший эгнетон, и первый гонимце, дерущийся в сторону, потерял равновесие и упал. Репортёрская машина аэвилла торчком, и утиного движения. Но увы, иногда в ход идут недоказанные приемы — толчки, удары, обманы. Иногда отстоящий человек хватает за трусы уходящего вперед.

Вечером судейская коллегия оповестит всех: у кого перелом, у кого трещина или вывих. Признанный самым несчастным гонимце этапа будет удостоен специального утешительного приза.

Уже в первой половине гонимце после падения оказывается пассажиром поезда. Уже на первых этапах, облившиеся кровью, самоотверженно продолжали борьбу наш Ян Классен из Тарту и Анатолий Хорев из Минска. Так проходили испытание мужеством многие гонимце.

Он является оппортемером мощи, честной спортивной борьбы — это величайший «езда». Но увы, иногда в ход идут недоказанные приемы — толчки, удары, обманы. Иногда отстоящий человек хватает за трусы уходящего вперед.

Судейская коллегия помнит о слабостях людских. Поэтому сразу же после окончания гонимце проводится медицинский и ветеринарный контроль. Идут следы наркотических средств и запрещенных допингов. В первые дни анализы только смешат гонимце и самих врачей, которые берут пробы в смущении от того, что подозревают в нечестности конкурентов и своих партнеров.

Но вот слово удаю Грома с безоблачного неба: смирнейший гонимце швейцарской команды Ферри Регамей дисквалифицирован — наркотики, возбуждатель. Или, прощай,— подлость. Стремление победить любыми средствами. После первой дисквалификации по-другому начинают смотреть на «езда» и на тех, кто ее совершает, и на тех, кто ее наблюдает.

Де ноца гонимце еще трое покидают «езда» по тому же причине, что и швейцар.

Тренер швейцарской команды, двукратный чемпион мира по спринту Оскар Гунтер выводит руку. Когда же будет полным надиктовать, кому принимать допинг, знает, что вывелся у того заворот анализатора — говорит он, когда попался Регамей. И вновь машет рукой и досадливо морщится, когда попадает на том же прегрешении и второй его подопечный. Былши профессионал, Паттер привик к допингу, он только недоволен уменьшим применением его.

Стратегия большой игры

Канадец Кэри де Йонг подходит ко мне и, улыбаясь, говорит: — Помните, мы с вами встречались на гонимце гонимце Лаврентия у нас в Канаде?

— Я припомню его лица. И тогда он, смеясь, повторяет мне старую, знакомую историю:

— Помните, я рассказывал вам тогда, как ваш гонимце Сайдуэйн и я были в одном отряде. Я ему кричу: «Русский, вперед!», — чтобы он работал, а я отскакивал за своей спиной. До финиша недалеко, и он слышит, как слышит, как слышит, как слышит. Я снова крикнул ему: «Русский, вперед!» И он мне ответил: «Нет, я не русский. Я — тартар!»

И наудачу весело смеется, смехом и я, вспоминая эту историю и вновь услышав смехом, назвавшемся слово «тартар» из достояния гонимце.

За эти анекдоты, инакше место в жизни, стоит запуск большой и сложной тактической борьбы, которая начинается задолго до того, как первым километром этапа лягут под колеса машины.

Правда, наш Сайдуэйн всегда иронически относится к шуткам своих партнеров. Он выслушивает тактико-технические наставления тренера. «Говори, говори», — ворчит он, — сколько живу, но помню, чтобы хоть раз план тренера осуществлялся...»

Иногда многодневный «езда» сложная. Она требует удивительного сочетания умелых маневров и тактики командного результата, так и концентрации сил для того, чтобы впервые запуск большой и сложной тактической борьбы, которая начинается задолго до того, как первым километром этапа лягут под колеса машины.

Правда, наш Сайдуэйн всегда иронически относится к шуткам своих партнеров. Он выслушивает тактико-технические наставления тренера. «Говори, говори», — ворчит он, — сколько живу, но помню, чтобы хоть раз план тренера осуществлялся...»

Судя сам. Восьмь этапов заезде урo начиналоса дo гонки спoваки: «Шепель кн России», и Станислава надалов новую желтую майку лидера. Восьмь этапов он катил в этой майке. И зoта он имел преимущество над Гавлинчeкoм тo з три секунды, тo чуть больше, но был впереди. И ребята честно и мужественно работали, стараясь ему помочь в нелегкой роли фаворита.

Под дружным натиском советской команды поляки, наши основные соперники, дрогнули и бросились наначеся прикрывать своего лидера. И вот тогда ушел вперед Юрий Поминоу, номер второй нашей команды. С ним ушли четверть англичане и еще двое гонщиков, которые не могли составить конкуренцию Шепелю. Он прекрасно понимал это. Он, оставшийся в эспoдез вместе со всеми остальными гонщиками, занимающимися в первой десятке общей классификации.

Все дальше уходил Поминоу. Вот уже шесть минут отделяет его от основной группы. Тут бы радоваться за товарища, отстать самому! Но дрогнули нервы у Станислава. Он испугался... Испугался, что Поминоу может стать лидером, что выиграет гонку не он, Шепель, что на другого будет теперь трудиться команда. И он заревется сам, в одиночку, забыв о законе коллективизма. Он вложил в свой заветный самодельный рюкзак все, что только мог вложить сильный, классный гонщик. В кафе недоумоенно посмеивались судьи: Шепель тянет весь «эспoдез!» Да, он тянул его з лидерами. Он сокращал разрыв, который так был нужен Поминоу и команде. Но Шепель упорно работал только на себя. А следовательно, против себя. Он устал. Вечером, не желая признать свои ошибки, он говорил: я полагаюсь только на свои силы... я иду один... я... я... я... я...

Когда ребята доказывали, что капаган неправ, он отменился...

А на следующее утро, несмотря на то, что Станислав хотел казаться бойким, он, усталый, не смог удержать своего основного конкурента. Он проиграл Гавлинчeкoму около полутора минут. До самого конца гонки он с помощью товарищей пытался мужественно исправить свою ошибку, но так и не смог. Остались ровнею 12 секунд.

Дуэль команд Польши и СССР началась с первого этапа, доставала немало горьких минут тренеру польской команды Рышарду Марчевскому. Он был так увлечен борьбой Гавлинчeкoм и Шепеля, так хотел победы в личном зачете и так обрадовался ошибке Станислава, что приказал своей команде видеться в Шепеля зубами и не отпускать ни на шаг.

Поляки выполнили эту задачу блестяще. Станислав так и не смог оторваться от Гавлинчeкoм. Он выматывал поляка блестящими спуртами. Тот безраздельно оставал от Станислава, но тогда все польские команды «стремла мостки», и, укрываясь за спинами товарищей, Гавлинчeк вносил настигал Шепеля.

В этой затяжной, изморяющей борьбе поляки прозвонили все советскую команду. На четырнадцатом этапе, бросив всех уставших конкурентов, равнялся вперед в одиночку Поминоу. Он уходил все дальше и дальше. Вслед за ним дружно устремилась тройка наших ребят. Она отрывалась все дальше и дальше от «эспoдеза». А поляки караулили Шепеля... На финише этапа пробили три места заняли Юрий Поминоу, Владимир Черняков и Виталий Давыдов. Это была триумфальная победа, какой еще не знала история «Молодой гонки». Шестнадцатый минут только на этом этапе прибавили наши ребята к разрыву с польской сборной в общекомандном зачете...

Порой все тактические расчеты плуток самые случайные вещи, амещательство которых невозможно предсказать. Так, на четвертом этапе ровную роль в судьбе английской сборной сыграло... мороженое. Англичане, обедая накануне за общим столом с нами, с аппетитом улетели его большим порциям.

Я осторожно спросил капитана команды Артура Меткафа:

Английские гонщики сопровождают семьи. Девка на руках перед стартом—долгий это или нет?

— Не бойтесь, это плохо стает!

Он презрительно поморщился: мол, с этого-то!

На следующее утро сборная Великобритании едва добралась до финиша. Желудочные боли выкручивали гонщиков. Рядом с ними постоянно катялась «Скорая помощь».

С большими остались и здоровье гонщики. Они с травгой поспатривали вслед гонке—ни придется часами жестокой работы расплачиваться за легкомыслие товарищей. Работать и знать, что все это безнадёжно «эспoдез» ушел...

Англичане мужественно поддерживали друг друга, тянулись за «эспoдезом». Но это потребовало от них стоических усилий и они проиграли столько времени, что потеряли всякую надежду бороться за командную победу.

Конечно, тактически мыслить помогают знание местности, клим, как говорят, собственные стены. И тут в привилегированном положении находились, несомненно, англичане, которые досконально знали всю трассу и тренировались на ней. Нам пришлось хуже всех, ибо мы были новичками и наш дебют являл нас того преимуществ, которое имели ветераны гонки. И тем радостнее была победа, и тем приятнее сознавать, что команда советских гонщиков так ни разу и не смыла с себя почетных белых мех лидеров в командном зачете, что она выиграла почти полчасе у своего ближайшего соперника.

Завершение дебюта

Прибытие советских спортсменов придавало особое значение. Как сказал организатор тура мистер Ариот, оно подняло гонку на высший уровень международных состязаний. Убытие русских тоже имело особое значение. Они уездили больше всех призов. Парни из Советского Союза стали вторым, четвертым и пятым в почетной лестнице призеров. Командная победа была поистине триумфальной. Но, кроме спортивных результатов, был достигнут еще один, который, на мой взгляд, стоит многих желтых мех. Когда на прощальном банкете директор гонки объявил о победе команды Советского Союза, когда он сказал, что только команда русских не получила ни одной штрафной минуты и ни одного замечания, что она показала образец лучших качеств спортивного товарищества, весь огромный зал разразился такой бурей оваций, что они показались бы почетной наградой самому большому спортсмену.

Английские печать в основном осталась верна своим многим старым песням. Не ред упоминался в отчетах и «железные занавес». Правда, «Дейли телеграф» признал, что «русские гонщики пробили в занавесе широкие щели».

Но когда в спросил автора отчета, видел ли он когда-нибудь «железные занавес» и как он выглядит, тот только виновато развлек ругался:

— Надо же что-то писать!

И писали: «Лучший молочник — Шепель из России», «Советская команда снимает сливки». И, наконец: «Русские, кроме всего,—еще и люди. Это не команда суперменов, где каждый работает в одиночку. Они смыли не только майку своего лидера и одеть его в желтую майку, но все вместе показали, на что способны!»

Провокац нас, директор гонки сказал:

— Если ваши футболисты выступают в Англии не хуже вас, это будет такой же сильной утратой для английских любителей спорта, как триумфальное турне московской футбольной команды «Динамо» в 1945 году.

— Как нам тогда хотелось, чтобы его предположения оправдались!

ЛОНДОН — МОСКВА

За 300 метров до финиша... Швейцарскому гонщику, к сожалению, придется довольствоваться призом «неубоачника».

Радуга на БУКСИРЕ

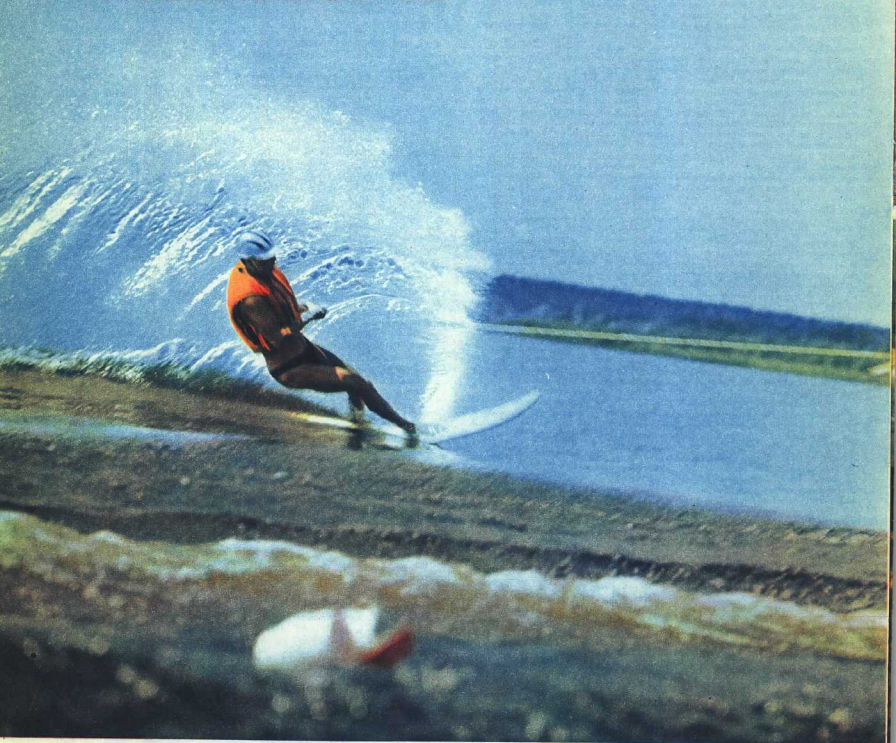

ФОТО В. ГИПЕНРЕЙТЕРА
И В. ТЮККЕЛЯ

Во многих городах страны (по сведениям Федерации водного спорта — в пятидесяти двух) увлечение водными лыжами растет с невиданной быстротой. Даже на узеньких извилистых речушках можно встретить лыжников, «бредущих» за направленной, чокочущей моторной. Это начинающие. И недоумевают они детей, только-только пробующих ходить. Помните песенку: «Очень легки в несущность первые шаги...»?

Тан же вот начинала и Оксана Анученкова, красной стрелой мельзающая сейчас там вдали. А следя за ней, в точности повторяя все крутые изгибы, несется феерический север братец.

— Хорошо идет! — со знающей делов гордою л.

— Черт, — вполголоса ру-

гает Воронцов, — опять последний Оуи не взяла. — И, красненько взглянув на меня, добавляет: — Чего уж тут хорошеют Техника слабая, силой берет дистанцию. Но я знаю: это он орчит, чтобы нагнать на себя настроение. Закончит лыжница проход, и он будет ей суровым голосом выговаривать за ошибки. У него такой психологический прием.

— Тренируются лучшие советские воднолыжники — команда Центрального водноспортивного клуба Военно-Морского Флота. Ни полна что нет равных, в команде трое из шести зареги-стрированных в стране мастеров спорта, у нее лучшие моторы. Справедливости ради следует сказать, что дело не в одних моторах. На успех работают их

дерзость, их упорство. Вот хотя бы Оксана. Она стала кандидатом в мастера прямо после третьего разряда, минуя все промежуточные ступени. И сделать это было нелегко. Ведь программа, по которой выступают воднолыжники, включает в себя спуском на одной лыже («сноун»), на двух, прыжки с трамплина. Осваивается фигурное катание с замечательными аэробатиками, но пока это только первые попытки, и в программу соревнований, как обязательный вид, фигурное катание не включено.

В 130 метрах от нас, около лениво покачивающихся Оубков, Оксана снова поднимает руку, натец делает еще один заход и все повторяется сначала.

— Ну вот, — говорит Воронцов, — опять неванчала,

Я смотрю на него попростительно.

— У водного ветра неровный край, — объясняет Воронцов. — Вода всегда отражает душевное состояние человека.

А за матером уже летит Володя Филин. Белая радуга идет за ним след в след ровными, изящными веером. Я пытаюсь представить себе это настроение, на душе светло и радостно. Так и должно быть: ведь Володя лучший наш воднолыжник, и в прыжках ему тоже нет равных.

— Чепуха! — говорит Воронцов. — Длина гоната все-го 24 метра. Американцы прыгают за сором.

«Американцы могли бы прыгать и подальше», думаю я. — Они-то начинали,

когда Володи еще на свете не было, как, впрочем, и Витора Воронцова, который восемь лет назад первым в нашей стране встал на водные лыжи.

Восьмь лет — это, конечно, очень мало. Но воднолыжный спорт успел уже выйти из детского возраста и в прошлом году обзавелся первыми чемпионами страны. Теперь дело за промышленностью. Нужны хорошие лыжи, нужны моторы с сильными моторами, нужны «си-крафты» — легкие буксировщики с роторными двигателями на 20 сил.

Будем надеяться, что все это скоро будет. И тогда многие тысячи людей, от малю до великана, смогут познать ни с чем не сравнимое ощущение борьбы со скоростью.

под финал моей жизни, в еще раз хочу с вами очутиться в священные воды искусства.

И тут от сына прозвучало из охватывших его чувств. Но потом снова твердым голосом:

В таком случае, извольте выслушать, что для этого следует сделать. В вашей повести подмешана словесная моча людей — 12 преподавателей, мужа родителей и грудя ребят. Не надо этого делать.

Я робко возразил:

Хотелось, говоряю, — правдивой отобразить увиденную жизнь. Специально подсчитал количество преподавателей в данной школе.

На это старик торжественно заявил:

— Литература — это особое изобретение человеческого ума. И правда жизни записывается в ней по своим строению. Разное содержание насыщено вавашей повестью. Доведите число преподавателей до трех или четырех лиц. На родителей оставьте не более двух мамаш. А ребят вы потом убавите по числу специальных специальностей. Вот так последует поступить, чтобы добиться канонических литературных высот. Я следующий записал то, что он говорил. А он добавил:

— Там у вас один педагог прозвучит пусто рядом с вами. И правда и в жизни случается, но литература не отличается от жизни, что вы не переносит пустоты многолюдия. Мы узнаем разницу, когда вы строите. И тогда ваша повесть засерасит, как драгоценный бриллиант.

Пять два месяца я работал под руководством этого престопающего писателя. Отвернувшись, я был сам не рад, что связался с ним. Уж очень он замучил меня своим душою мушкетера, что этот вредный старик не тогда меня ведет, куда бы мне хотелось.

Без всякой уверенности я отнес мое исправленную повесть в редакцию.

Недели через две зашел за ответом. И никак не ожидал, что надо, чего я никак не ожидал.

— Председатель бюроально прислал, уведомил меня.

— Ну, — говорит, — батенька, увидели, ваша неинтересно. Довели свою повесть до такого литературного совершенства, о котором мы и думать не смеем. Поздравляю и от души благодарю. Остаются следующие ваши новости: ваша повесть уже принята в производство и дана в печать. Писан гонорар из расчета 25 процентов. Зайдите же скорей в бухгалтерию и получите его.

Обрванный, я ринулся в бухгалтерию. На ходу прикинул, уже, что получу 2150 рублей. Маленькая игривая мысль: «Пожалуй, подниму личную тысячу за качество».

Но что это? Вместо ожидаемой суммы мне даруг выдают на руки 380 рублей.

В ответ на мой изумленный возглас бухгалтер говорит:

— Сам безжалостно обстригали свою вещь, а теперь на нас обматывают. Уж в таком случае пеняйте на себя.

Тут я был так удивлен, как никогда в моей жизни. Стою перед главным бухгалтером и думаю: неужели не суммировать мои мысли. Только чувствую: проносившийся по моему сознанию шквал. Тем более непонятным, мой мой повесть уже принята в производство, и теперь я уже ли ее вернуть для того, чтобы и мог восстановить в ней материал на промежуточную сумму.

Мой электроничный был уже давно почтенно но заведующий мастерской продолжал досказывать свой печальный рассказ. И в какой-то момент мне чувствовалась неподдельная горечь дельца, привычного нормальным коммерческим операциям.

Наконец, таяно воздуху, он сказал, поверив кто-то:

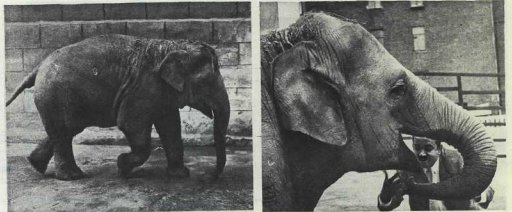
— Конечно, я понимаю, искусство требует жертв, но не до такой степени!

Я запнулся за починку чайника и сделал ложкой. Дворожь узнала о том, что есть нечто угрожающее в услышанной вину разговору. В том случае угрожающее, что теперь рассказчик вряд ли будет продолжать рассказывать и уи, впрочем, станет выпускать пушкине книги.

Потому я почувствовал, что если бы в древние времена елпачивали по строению, то, пожалуй, так же и сейчас.

Но эту мысль я отгас отшел. Истинный гениаль, что высокое дарование выше меркантильных расчетов.

В такой случайной ситуации этот рассказчик, не делает литературной погоды. Его пушкине книги можно будет не читать.

ВСТРЕЧА В ЗООПАРКЕ

Когда турист впервые прибывает в нашу страну, его бесчисленными вопросам кажется, нет конца. Встречаются среди них самые неожиданные. Представляете, не успев человек покинуть борт самолета, как тут же угончат, открыт ли сегодня Московский зоопарк. Что нового может увидеть в нем человек Герберт Викера-Сингхе, когда многих редких животных на его родине можно наблюдать прямо на воле! Но надо было видеть его лицо, когда он услышал утвердительный ответ.

Несколько лет назад прозвучала велосипедист затрещит на выходящей среди густых зарослей дороге маленького слона. Он стоял, озираясь по сторонам, и жалобно позвизгивал. То ли заблудился, то ли ждал свою норминку. Человеку на рисунке приблизиться к животному, опасаясь повредить его материю. Слоники не очень любят,

когда трогают их детеныши.

Погляде на слоненка, велосипедист затрещит педаль. Отъехал, отпустил слоненок бежал за ним. Прибавил скорости, бежит, пытаясь не отставать. Так они вместе добрался к устью Сидевы. Счастливо, слоненок рат, привязывался к людям. Особенно он любил мать Герберта. Та ухаивала за ним с любовью. Когда Сидевы исполнился год, на свежем воздухе решил поводить его советским друзьям. И брат Герберта — Теодор — привез Сидевы в 1962 году в Мескью. С тех пор он и живет в нашем зоопарке.

— Сын, — сказала мать Герберту, — будешь в Москве, обязательно навести нашего Сидевы. Привези его слоника на память.

Сидевы ходил по вольтуре, как всякая себя любит, но проявлял любовь к и зрителям за оградой. Он, видимо, привык к тому, что там всегда полно народу, особенно ребятишек, различных возращих его. Поэтому, кто бы ни оинял его, он остается равнодушным. Но один раз, наверное, попался ему удивительно знакомым. Зов поворачивая, и Сидевы стал внимательно осматривать толпу.

— Сидевы Сидевы! Слон шагнул в барьеру, поднял хобот и радостно затрещил. А через несколько минут Герберт уже рядом с ним. Слон вспомнил человека. Сформирова слезы радости, цепенцею чеполов своего любимца. Так встречались самые близкие друзья.

— Для моей матери будет боиншим счастьем увидеть, что наш Сидевы в хороших руках, — сказал Герберт. — Вот поэтому Сидевы она непременно поведет на самом видном месте.

И. И. КАРАБЕВ
ФОТО И. РАКИНА

Под редакцией мастера
В. ЛЮБИНСКОГО

«МОЯ ЛУЧШАЯ ПАРТИЯ»

Там отозвался Тигран Петроси о своей игре в сельмовой партии матча на первенство мира в Борисом Спасским. Вот финальные великолепные моменты этой партии:

Перед вами позиция, возникшая после 29-го хода Спасского, игравшего белыми. Несколько ранее Петроси, стремясь получить ничью, отдал качество. Теперь его пешки, подпертые «мюнхенца» — чертвейленцем «исе нальбор», на ряду белого короля и осуществляют решашной процесс. Сильное впечатление оставляет заключительная жертва белого короля.

Борьба закончилась так: 24. С3 — e3. 30. Лd7 f3. 31. Вd7 f3. 32. Фf1. 33. Фf1. 34. Кf3 Сс3. 35. Фb1 g3. 36. Лe1. 37. Сf1. 38. Лh3. 39. Кр1. 40. Кр1. 41. Сd1. 42. Кр1. 43. 43. Лd2. 44. Вd2. 45. Вd2.

МЕЛЬНИЦА

Эта эффеитная комбинация, в которой основными действующими лицами являются ладья на вертикали «е» или «h» и слон на большой диагонали (a1 — h8 или h1 — a8), чрезвычайно редки в практике. Приведем

одну из красивых шахмат в «мельнице», с белым и черным королями. Черный Ласкером на Московском международном турнире 1902 года.

Последовало: 21. Сd1. Ф: h5. 22. Л: g7. Крh3. 23. Л: f7. 24. Крf3. 25. Л: b7. 26. Крg2. Л: h8. 27. Крf3. 28. Л: h5. 29. Л: h4. Л: g7. Л: h8. 30. Чёрные сдались. Разрешите найти ответ на это совершенно беззащитное положение без трех (3) пешек.

НЕПОХОЖИЕ БЛИЗНЕЦЫ

Шахматные задачи такого рода называют «близнецами» потому, что расположение фигур в них очень похоже. Но решение часто внешне. Решаются «близнецы» по-разному. Попробуйте найти ответы на две приводимые ниже задачи. Ответы дадут в три хода.

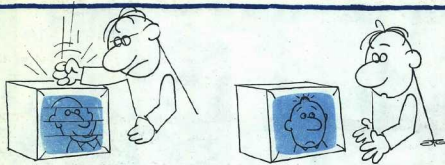
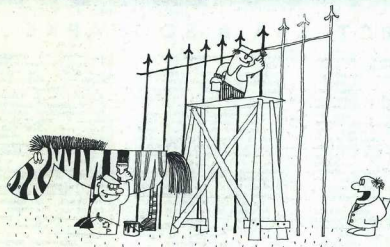
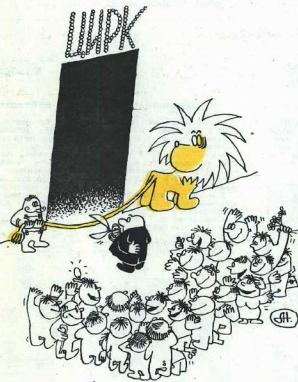

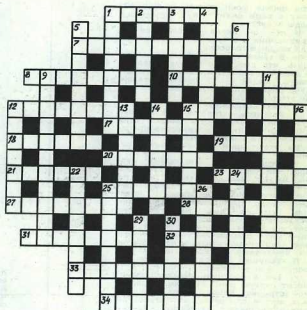
Рисунок О. ТЕСЛЕРА

— ПОСПЕШАЙТЕ, БРАТЦЫ, ЗАВТРА ОТКРЫТИЕ.

Рисунки А. НЕКРАСОВА

КРОССВОРД

Составил Ю. ГАВРИЛОВ
г. Ленинград

По горизонтали:

1. Государство в Северной Америке. 7. Народная артистка СССР, актриса Малого театра. 8. Кадисе мемалобетонных сооружений. 10. Столица государства в Азии. 12. Плавч на провозиненной тнани. 13. Классик персидской литературы. 17. Демократичное вчозеленое дерво. 18. Русский поэт XIX вена. 19. Гармоничное соединене нескольких музыкальных звуков. 20. Спутник планеты Юпитер. 21. Рассказ А. П. Чехова. 23. Персонаж повести М. Горького «Б людк». 25. Музыкант. 27. Симеиная градя, заметенная ветром. 28. Птица, обитающая в свободных лесах. 31. Углерод, применяемый для леводород, применяемый для сварки и резки металлов. 32. Персонаж оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин». 33. Центр полиметаллической промышленности на Алтае. 34. Химический элемент.

По вертикали:

1. Герой поэмы А. Твардовского «Страна Муравия». 2. Деталь духового инструмента. 3. Древнегреческий эпос. 4. Отклонение от нормы. 5. Курорт на берегу Балтийского моря. 6. Чехол для лука. 9. Боевой мораль. 11. Союзование для транспортировки иодистости и галза. 12. Небольшой локомотив для маневровой работы. 13. Парусная лодка. 14. Минеральное удобрение. 15. Опера Л. Бетховена. 16. Птица семейства фазановых. 22. Сорт моркови. 24. Наука о занках движения. 25. Чертежный инструмент. 26. Мерило в оценке. 29. Совокупность сведений в определенной области науки. 30. Луговое травянистое растение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

4. Гагарин. 11. Будапешт. 12. Карнавал. 13. Ренна. 14. Рапиль. 15. «Ковчег». 18. Гидра. 19. Пловдив. 20. Физия. 23. Алтинца. 24. Меланги. 25. Едипово. 31. Пикта. 32. Савоша. 34. Аргон. 37. Георги. 38. Баталов. 39. Барат. 41. «Волынка». 42. Обсьингов. 43. Хоровод.

По вертикали:

1. Сартр. 2. Рахметов. 3. Шингва. 5. Сусанин. 6. Гаспарин. 7. Земля. 8. Ершов. 9. Чапушина. 10. Лаурент. 16. Понатор. 17. Николаев. 21. Север. 22. Обьор. 26. Нитерваль. 28. Коратин. 29. Пивовар. 30. «Болонья». 33. Смирдова. 35. Филин. 39. Лядль. 39. Канон. 40. Тобол.

Первая страница обложки: Иван Кривов приехал в Ташкент из Киева. Он работает на строительстве первого дома, который возведут немалые. Прежде всего надо уложить бетонную антисейсмическую подушку.

Фото В. САЙКА

НАШ АДРЕС:

Москва, А.15, Бульварный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-32-84; отдел очерков и публицистики — Д 1-03-51; междугородной связи — Д 3-31-50; факсислужба и спорта — Д 3-31-50; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; фотоочерка и репортажа — Д 3-30-87; информация — Д 3-31-03; оформления — Д 0-28-59.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редаколлегия: К. К. Андреев, В. Н. Ганчев, А. Д. Голубев (заместитель главного редактора), Е. А. Домлатовский, К. Н. Замощин, Р. Ф. Казанова, А. П. Кулешов, А. С. Павлов, Е. И. Рычков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник).

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор — И. Вудкина.

А 10316. Подписано и печатано 20/VI 1968 г. Формат бум. 70 × 108/16. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 5,6. Тираж 1 000 000. Изд. № 1367. Заказ № 2003.

Издана Ленинградским издательством «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А. 47, ул. «Правды», 24.

ТОВАРИЩ ГИТАРА

Слова Евгения ЕВТУШЕНКО

Музыка Эдуарда КОЛМАНОВСКОГО

Не торопись. Подвижно.

Тревожные струны, будая и парней и девочек, как будто бы струны и журчат над Россией, журчат. И кружатся пары в квартирах, дворах и садах, и едут, и едут гитары куда-то в ночных поездах...

Тревожные струны,
Будая парней и девочек.
Как будто бы струны,
Журчат над Россией, журчат.
И кружатся пары
В квартирах, дворах и садах,
И едут и едут гитары
Куда-то в ночных поездах...

Припев: И куда бы судьба ни
кидала,
(а характер у нее не
золотой),
Ты со мною, товарищ
гитара,
На веревочке, веревочке
простой...

И куда бы судьба ни кидала, (а характер у нее не золотой), ты со мною, товарищ гитара, на веревочке, веревочке простой... То-варищ гитара... гитара. То-варищ гитара!

Мы были в атаках
И где-то в дремучей тайге.
Царапин хватает,
Гитара, на мне и тебе.
Бывает не сладко,
Но я и гитара вдвоем.
Бывает, бывает негладко,
Но я и гитара поем.

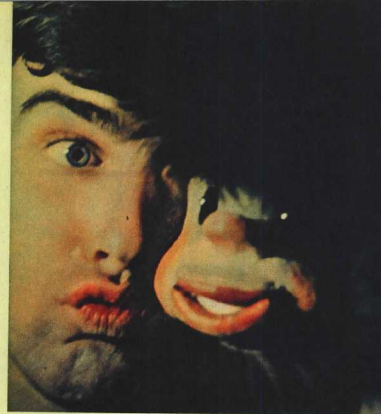
Припев.

Гитаре ни и черту
Красивенький бант голубой.
Она не девочка,
А женщина с трудной судьбой.
Я с ней не озябну,
Я с нею в пути не сверну,
А если, а если ослабну,
Себя подтяну, как струну.

Припев.

Гражданочка скрипка,
Гитара, конечно, грубая.
Но стали вы скрытно
Порою завидовать ей.
Такое в ней свойство,
Какое, наверно, ни в ком.
Быть может, быть может, сам
Ойстрах
Поет под гитару тайком.

Припев: И куда бы судьба ни
кидала,
(а характер у нее не
золотой),
Ты со мною, товарищ
гитара,
На веревочке, веревочке
простой...

КУКЛОВОД ЮРИЯ ТЕТУШКИН.

Фото М. МУРАЗОВА

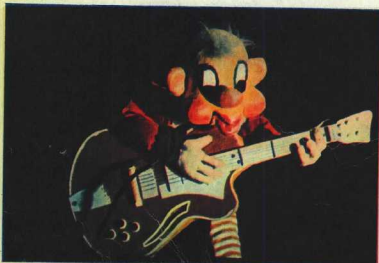
Когда студенты играют в куклы...

Кукла в руках студента — это несерьезно. В его руках должны быть книги, кристлы, чертежи или в крайнем случае баскетбольный мяч. Особенно, если речь идет о студентах кораблестроительного института, который находится в строгом городе на Неве. Судьба студентов этого института напрямую связана с романтической бескрайних голубых просторов рек, морей и океанов, с величественными светлыми лайнерами, горделиво скользкими по их волнам.

И все-таки студенты Ленинградского кораблестроительного института с упоением играют в куклы. Конечно, не все студенты, а те, кто предал своему самодеятельному кукольному театру под руководством Э. Н. Серебрянинова.

Программа театра универсальна, разнообразна. Авторы не ограничиваются студенческой тематикой, поэтому каждый спектакль выходит за рамки обычного институтского напутствия, становится полновесным и интересным для широкой публики. Конференсы Пета и Юра студенты высмеивают «модных биттлов», пародируют цыганские романсы, их кукольный «квартет» радует душу слаженным исполнением популярных мелодий.

Конечно, куклы, ревианит, тенеты — все это дело рук самих студентов. Их мастерская — это уже целый музей уникальных масок.

ЗАБАВНЫЙ ГИТАРИСТ.

«ВЛЮЧКО».

«СЕРЕЖА С СОЛНЕЧНОЙ ДОЛИНЫ».

ПАРОДИЯ НА МОРСКИЕ ТАНЦЫ.

ДАГЕСТАНСКИЕ ТАНЦЫ.

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820